

Узнавший детектив

Г•А•Л•И•Н•А
КУЛИКОВА

Клубничное убийство

Сильвестр Бессонов – детектив на диване

Галина Куликова
Клубничное убийство

«ЭКСМО»

2007

Куликова Г. М.

Клубничное убийство / Г. М. Куликова — «Эксмо»,
2007 — (Сильвестр Бессонов – детектив на диване)

ISBN 978-5-699-54866-8

Сильвестр Бессонов не любит выходить из квартиры и зарабатывает на хлеб тем, что пишет рецензии на фильмы для популярных изданий. Свой талант сыщика он не афиширует, но новое загадочное дело само идет ему в руки. В канун Нового года в редакции глянцевого журнала «Блеск», с которым сотрудничает Сильвестр, происходит серия жестоких убийств. Все их связывает между собой изображение клубники. Это порождает массу домыслов и слухов. Расследовать преступление в гламурной среде – все равно что гулять по минному полю: под подозрением оказываются то знаменитый фотограф, то известный на весь мир актер. Но для Сильвестра не существует авторитетов, и он бестрепетно вступает в игру...

ISBN 978-5-699-54866-8

© Куликова Г. М., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Убийство в «Надувной подушке»	6
За день до убийства. Новогодний «Блеск». Отчаяние Люси Антиповой	10
Корпоративная вечеринка. Драку заказывали? VIP на грани нервного срыва	23
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Куликова

Клубничное убийство

Убийство в «Надувной подушке»

Жена сказала Нифонтову, что он гад, что другие мужчины всю неделю зарабатывают деньги, а по выходным кладут плитку в ванной. А он со своей идиотской работой живет на чаевые, а в воскресенье, вместо того чтобы починить замок или всей семьей съездить в гости к тете Мусе, смотрит сериалы по телевизору. И он не обратил внимания на то, что у нее новая прическа. Потому-то он гад, подлец и не заслуживает ее хорошего отношения. Потом она хлопнула дверью и ушла.

– Какой семьей ты собиралась ехать к тете Мусе? – крикнул ей вслед Нифонтов, не на шутку рассердившись.

Дети уже два месяца жили у бабки в Подольске, и жену это, кажется, вполне устраивало. В октябре он два раза собирал чемодан, но потом подходил поцеловать дочек на ночь и, вздыхая, засовывал его обратно на антресоли. Нет, но однажды она дождется! Вот пусть сегодня его поищет! Не будет он дома сидеть и ждать, пока она вернется из своего вояжа к Мусе, Дусе или кому она там отправилась на мозги капать...

Он рывком открыл шкаф, быстро оделся и вышел из дому, взяв с собой деньги, которые откладывал на отпуск. Он не обратил внимания на ее новую прическу! Вот в чем основная причина этого наезда. По правде сказать, Нифонтов уже давно не обращал на жену внимания. Она была такой привычной, такой знакомой – как старая табуретка, которую использовал и для хозяйственных нужд. Даже если положить на нее шелковую подушку, она все равно останется все той же табуреткой, с этим ничего не поделаешь.

А Нифонтову хотелось чего-то еще. Дни проходили чередой, сменяя друг друга, как пачки молока в холодильнике, и вместе с ними проходила его жизнь – бестолковая, суетливая, не слишком радостная. Неужели с ним уже не случится ничего такого, что всколыхнет в нем все, до самого доньшка? Ему нужно приключение – вот что. Что-то особенное, яркое, заставляющее дышать полной грудью...

Нифонтов представил, как он с головой бросается в какую-нибудь авантюру, и приуныл. Вряд ли он отважится на такое. Самой большой его авантурой были походы на сторону. Вот, например, некоторое время назад он познакомился с женщиной, которая показала ему прекраснее всех на свете. Через полгода он к ней привык. А через год она превратилась в еще одну табуретку, которую хотелось задвинуть куда-нибудь подальше.

На улице шел снег, мягко приминая к земле прохожих и приглушая электрический свет, растекшийся по всему городу. Нифонтов вывалился прямо в эту нежную белизну, прошелся по припорошенному газону и обернулся, чтобы посмотреть на собственные следы. Следы заносило снегом прямо у него на глазах. «Я никому не нужен, – тоскливо подумал он, задвинув мысль о детях поглубже в подсознание. – Я – одинокая душа».

Через четверть часа одинокая душа уже подходила к ночному клубу с веселым названием «Надувная подушка». В интерьере заведения действительно присутствовали надувные подушки, и пьяные посетители время от времени протыкали их вилками, получая от этого неизъяснимое удовольствие. Испорченную утварь вносили в счет, и хозяин делал на ней не меньше денег, чем на фирменных коктейлях.

Время от времени Нифонтов забредал сюда – как правило, один. Здесь можно было подцепить девчонку на ночь, можно было просто надраться, чтобы забыть обо всех проблемах, или под плотной завесой сигаретного дыма найти родственную душу и всласть нафилософствоваться. Он еще не знал, на чем остановится сегодня. Как фишка ляжет.

Клуб расположился в полуподвале, и, спускаясь по стесанным ступенькам, Нифонтов, словно в гнилую воду, погружался в горячечный клубный сумрак. Он распахнул дверь, и гулкая волна, пропитанная сложными запахами, толкнула его в грудь.

Перед гардеробом стоял мужик с треугольной фигурой. То есть талия у него была узкой, а плечи широченными. Маленькая бритая голова смотрелась на таких плечах забавным недоразумением. Однако морда у него оказалась смазливой, и тут же подросла дамочка, владеющая всем этим совершенством. Дамочка была, правда, немолодой уже, но вполне «сдобной» – ухоженная, с красивыми ногами, обутыми в короткие сапожки.

– Обещай мне, что ты не будешь этого делать, – тихо сказал ей «треугольный», наклонив голову так, как будто собирался бодаться. – Иначе я уйду, и между нами все кончится, поняла? Но сначала я тебе врежу.

– Отстань, Серж! Я же сказала, что не буду.

Дамочка поморщилась так, как будто ее год кормили конфетами, а потом спросили, не желает ли она варенья.

Нифонтову стало интересно, о чем это они. Может, дамочка закладывает за воротник? Такое случается даже с красивыми и удачливыми. Вечно они чем-то недовольны, чего-то ищут и не могут найти...

– Ира, я тебя предупредил, – «треугольный» поцеловал свою подружку куда-то в ухо, после чего взял за руку и повел за собой в зал, где на медленном алкогольном огне «кипело» людское варево.

Нифонтов сдал в гардероб тяжелую влажную куртку и уже двинулся было в зал вслед за парочкой, но тут его сильно толкнули, и он едва устоял на ногах.

– Эй, потише! – воскликнул он обиженно и тут увидел, кто, собственно, на него налетел.

Платиновая блондинка в норковой шубе. Он точно знал, что в норковой – жена допекла его такой шубой. Кажется, она видела в ней смысл своей жизни. И когда Нифонтов однажды заметил, что в метро она в ней запарится, благоверная изо всех сил ударила его веником по спине. Этого, кстати, он ей до сих пор не простил.

– Пардон, – пробормотала блондинка, даже не взглянув на Нифонтова, и скинула с плеч свою драгоценную ношу.

Гардеробщик утащил меха, выдав номерок вместе с сияющей улыбкой. Нифонтов оглядел критическим взором обнаружившуюся под мехами фигуру. Довольно стройна, но слегка суховата. Широкие брюки, приталенный жакет с высоким воротником, пышные, красиво уложенные волосы. Неожиданно для себя Нифонтов почувствовал острый укол в сердце. От незнакомки едва уловимо пахло сладкими духами, и когда он что-то сказал ей – что-то обыденное, ничего не значащее, – она все-таки повернула голову и встретилась с ним глазами. Глаза были умными, глубокими и горели жадным огнем, как будто блондинка была вампиршей и пришла сюда напиться свежей крови. Довершали образ карминные губы, полные и влажные. Однако впиваться в Нифонтова этими губами она не пожелала, лениво отмахнулась от него и исчезла в глубине зала, растворившись в толпе.

Нифонтов отправился к бару и заказал выпивку. Напился он довольно быстро, как напиваются все невинно оскорбленные, и в какой-то момент удивился, что все еще помнит о блондинке. Ему внезапно захотелось заполучить эту женщину, и он отправился разыскивать ее, путаясь в ногах и облокачиваясь о незнакомые спины. Такая, как она, должна знать всю правду о жизни. И о его, Нифонтова, жизни тоже. Что он делает не так?! Почему его жена раньше была красавицей, ради которой он совершал страшные мужские безумства, а теперь вот превратилась в старую табуретку с новой прической? И пусть эта блондинка ему скажет, почему он, Нифонтов, не заслуживает ее внимания? А если заслуживает, то пусть возьмет и увезет его к себе, в квартиру с шелковыми шторами, где пахнет розами, а не щами! И пусть сделает это немедленно!

Нифонтов совершал уже третий тур по залу, когда вдруг сообразил, что дальше путь закрыт. Перед ним стояла маленькая толпа, не давая ему протиснуться дальше. Он дога-

дался, что там, внутри толпы, что-то происходит. Изловчился и просунул голову между кем-то и кем-то. И увидел знакомую парочку – «треугольного» Сержа и его стареющую подружку. Сержа держали за руки двое мордovorотов, но, судя по всему, едва справлялись. Его подружка пятилась назад, глаза ее горели злобой, как у оскорбленной кошки, а он выплевывал ей вслед нецензурные ругательства.

Нифонтов сделал философский вывод, что мужчина не может быть счастлив с женщиной больше одного раза, и последовал к выходу – смотреть, как вышибалы избавляются от Сержа. По дороге он заказал еще один стаканчик согревающего, долго рассматривал диковинные часы на стене, пытаясь понять, есть ли у них стрелки, и в конце концов непонятно как очутился перед гардеробом. Что было делать? Нифонтов достал номерок и надел на себя куртку. Куртка предполагала окончание кутежа, а он был к этому еще не готов.

И вдруг – о чудо! – он неожиданно увидел блондинку, которую больше часа разыскивал по всему клубу. Ее жакет отливал золотом, и крупные клипсы блистали в полумраке, как драгоценные слитки. Губы ее, по-прежнему густо намаженные, были сложены в таинственную улыбку. Сейчас она почему-то показалась Нифонтову злой и оттого особенно прекрасной.

Он подошел к ней походкой, наводящей на мысль о больших кораблях и качке, и с надрывом произнес:

– Мы с вами должны поговорить о важном!

Она как раз надела свою сногшибательную шубу, заплатив гардеробщику десятку за расторопность. Поганец этого даже не заметил – возле него толпился народ, кто-то тыкал тлеющей сигаретой в стойку, где воздушной кучей лежали пальто, пьяную девицу тошнило в углу, и после каждого приступа она отчаянно материлась.

Судя по всему, блондинка не собиралась говорить с Нифонтовым – ни о важном, ни о чем другом. Она поправила прическу и повернулась спиной к нему и лицом к выходу. В отчаянье он выхватил из кармана визитку с замусоленными углами – последнюю, которая сохранилась у него еще с прошлой работы, когда он возил большую шишку. Ручка была прицеплена тут же, к внутреннему карману на шелковой подкладке.

Растолкав посетителей, Нифонтов припал к стойке и написал крупными буквами на обратной стороне: «Позвони мне. Вопрос жизни и смерти». Метнулся вслед за поразившей его воображение блондинкой, изловчился и сунул визитку в карман ее шубы. Шуба ускользнула. Она уплыла из рук Нифонтова, оставив после себя слабый запах духов с ванильным ароматом. Дверь хлопнула перед самым его носом.

И тут же он услышал тонкий и страшный женский крик. Крик бился где-то рядом, в левом ухе, и Нифонтов рванул к нему, подчиняясь древнему инстинкту, о существовании которого он никогда, впрочем, и не задумывался. Сначала ему в лицо бросилась дверь с разлапистой буквой «Ж» на ней и белый кафель, а потом какая-то растрепанная соплюшка в драных штанах прыгнула на него и вцепилась насмерть, как кошка, которую поднесли к ванне, полной воды. Рот ее был разинут, именно он исторгал тот жуткий вопль, от которого у Нифонтова сосало под ложечкой.

Он попытался стряхнуть девицу, крутнулся вокруг своей оси и тут наконец увидел... Увидел, что дамочка в коротких сапожках, та самая, с которой ссорился «треугольный» Серж, лежит на полу без движения. Лежит она в кабинке, скрючившись, и только ноги торчат из-под приоткрытой двери.

Держа вопящую девицу двумя руками, Нифонтов сделал несколько нетвердых шагов и заглянул внутрь. Ему почему-то сразу стало ясно, что перед ним мертвое тело. Вероятно, соплюшка поняла это тоже, иначе почему она так орала? Ни оружия, ни крови не было видно. Рядом с телом валялась раскрытая сумочка и согнутая стодолларовая купюра. На крючке,

привинченном к перегородке, висела какая-то блестящая финтифлюшка. Нифонтов приблизил к ней лицо, насколько это было возможно, и потряс головой, не веря своим глазам.

На крючке, зацепившись за него петелькой из серебряной тесьмы, висела елочная игрушка. Кот в сапогах – в шляпе с пером и с иезуитской улыбкой на обсыпанной блестками морде. Внизу, возле бачка, валялся глянцевого журнала «Блеск» с яркой обложкой, на которой плоско улыбалась известная фотомоделль.

В туалет между тем набилась целая куча народу. У Нифонтова отняли девицу, чему он был страшно рад, и вытеснили его в предбанник. Минуту спустя он снова болтался возле гардероба, а потом непонятно как оказался на улице.

Воздух снаружи был таким холодным, что резанул легкие, словно ножом. Замороженные лужи напоминали лимонные кружки, посыпанные сахарным песком, и он наступал в них, слушая, как звонко хрустит под ногами. Прямоугольник неба, доступный взгляду, отсюда, снизу, казался черной полыньей, в которой плавал лунный обмылок. Нифонтову захотелось еще больше ветра и простора, он поймал такси и велел везти себя на Воробьевы горы. Как ехали, он не помнил. Ему казалось, он только что забрался на заднее сиденье, и вот усталый шофер уже велит ему вылезать.

Качаясь, Нифонтов добрался до места, откуда была видна вся Москва, оцепеневшая в объятиях морозной ночи. Он гикнул и помахал рукой неизвестно кому, сняв перчатку. Исполненная величия картина перевернула его душу. Город лежал в огнях, будто в осколках гигантского созвездия, которое со всего маху шарахнуло о землю, и вздрагивал белыми догорающими звездами. Небо над ним было густо-серым, дымным, словно от взметнувшегося ввысь пепла. Там, внизу, раскинулась столица непостижимой страны, которая читала гламурные книжки и травилась паленой водкой.

О том, что он стал свидетелем убийства, Нифонтов не думал. На следующий день все, что случилось с ним накануне, представлялось ему кошмаром. С кошмаром он расправился радикально – махнул рюмку водки и закусил холодным мясом. Жена с ним не разговаривала. Но на следующий день бабка привезла девочек, и жизнь постепенно вошла в нормальную колею. О блондинке Нифонтов постарался забыть, и это ему почти удалось.

За день до убийства. Новогодний «Блеск». Отчаяние Люси Антиповой

Люся Антипова отличалась от большинства своих практичных сверстниц. Она мечтала не о легкой карьере и богатом муже, а об интересной работе и любимом человеке, который станет ей настоящим другом. Ее внешность служила ярким примером несправедливого отношения природы к романтически настроенным девушкам. Люся состояла из ключиц, локтей, коленок и славных глаз, которые могли смутить даже отпетого негодяя.

Сейчас она сидела на своем рабочем месте – за секретарским столом в приемной – и тихо плакала. Непрошенные слезы падали на список первоочередных дел, который она только что распечатала для главного редактора журнала «Блеск» Аллы Белояровой. После них на листе оставались круглые воронки, портившие жирно набранный текст.

Люся плакала от обиды – с ней так несправедливо обошлись, а она этого совсем не заслужила. Никто, никто из целого коллектива, в котором она проработала три месяца и два дня, не предложил ей сфотографироваться вместе с другими сотрудницами для новогоднего выпуска. В честь праздника всех дам, работающих в редакции, запечатлели в вечерних платьях с бокалами шампанского в руках и украсили этой фотосессией декабрьский номер журнала. Белоярова сначала отказывалась от этой идеи, но под нажимом редакционного совета пусть и не сразу, но все же уступила. Мало того – сама позировала для этой серии, поразив всех обнаженной спиной бесподобной красоты.

Редакционный фотограф никого не пропустил. Он щелкнул главную бухгалтершу, заработавшую как минимум две пенсии по возрасту, и уборщицу Зинаиду, обладательницу бюста, перед величием которого цепенел даже циничный артдиректор Свиноедов. А про нее, Люсю Антипову, все как будто забыли. Как будто она не женщина вовсе и на нее можно не обращать внимания. Вот как на этот стол, например.

Несколько недель Люся боролась с обидой, и ей вроде бы удалось с ней справиться. Но теперь, когда новогодний номер вышел, настроение снова испортилось. Бедняга уронила еще одну увесистую слезу на документ. В этот момент дверь в приемную широко распахнулась, и громовой голос спросил:

– Люся, душечка, вы в курсе, что сейчас начнется Вавилонское столпотворение? Гунны пойдут войной на Рим?

Вслед за голосом в приемную ворвался беспощадный запах одеколона, и лишь потом на пороге возник его носитель Ярослав Яковкин, ответственный секретарь журнала.

Люся побаивалась этого типа, и не зря. Он легко мог сделать доброе дело, а сразу вслед за этим какую-нибудь сказочную подлость. У Яковкина были глаза кинозвезды и змеиная улыбка. Убийственное сочетание, сводившее с ума увядающих женщин и страшно мнительного заместителя главного редактора.

– Какие гунны? – на всякий случай уточнила Люся, любившая четкие формулировки. Слезы со щек она проворно смахнула. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь узнал, как она несчастна. Несчастных всегда считают неудачниками.

– Я имею в виду, что сейчас сюда поднимут часть новогоднего тиража, и все сотрудницы как пить дать бросятся к вам выпросить хотя бы по одному номеру. А то и по два! Так вы не давайте, душа моя. На всех не напасешься. До особого распоряжения Белояровой не давайте. Стойте насмерть, понятно? Я лично спрошу с вас за каждый утраченный экземпляр.

Отеческий тон, который избрал ответственный секретарь, вряд ли мог кого-нибудь обмануть, даже такую простофилю, как Люся Антипова.

– Ладно, я постараюсь, – пообещала она обреченным тоном, не зная точно, как будет защищать представительскую часть тиража.

Большинство женщин влюблены в собственные изображения, и нужно набраться мужества, чтобы встать на их пути. Вместо мужества Люся вооружилась профессиональной невозмутимостью. Невозмутимость она отрабатывала перед зеркалом по выходным, которые в основном проводила в одиночестве за чтением книг. На ее узком стеллаже хранилась взрывоопасная смесь из произведений Чарльза Диккенса, Ивана Тургенева, Джейн Остин и авторов современных любовных романов. Когда-нибудь, столкнувшись с грубой реальностью, эта «гремучка» должна была взорваться, раз и навсегда разбив Люсино сердце.

Пока она продумывала, как оборонять журналы, в комнату ввалился мужчина в несвежей куртке и страшной вязаной кепке с пушистым начесом. Мужчина натужно сопел. К груди он прижимал несколько свертков, упакованных в коричневую бумагу. Верхний, придерживаемый подбородком, оказался нагло разодран.

– Принимайте! – выдохнул пришелец, сваливая свой груз возле свободной стены и собираясь уходить.

– А ну-ка, стойте, – приказала Люся. – Эта пачка вскрыта, я ее не приму.

Грузчик поправил свой фантастический головной убор и выпятил грудь.

– А я что?! – завопил он совершенно неожиданно. – На меня в коридоре ваше руководство напало в виде двух этих... женщин. Что мне с ними, драться, что ли?

– Вы не имели права вскрывать пакет!

Люся вытянулась во весь свой нехитрый рост и задрала подбородок. Грузчик ступешелся и попятился, косясь на разоренную пачку журналов. Одним глазом Люся заметила, как блеснула в рваной дыре глянцевая обложка.

В этот момент в приемную торопливо вошла Ирина Аршанская, редактор отдела психологии, сорокапятилетняя дама – белая и гладкая, с крепким контуром лица и четко обрисованными икрами. К ее средним природным данным были приплюсованы ежедневные косметические процедуры и хороший вкус. Одевалась она в классические костюмы, талию подчеркивала тонкими ремешками, волосы стягивала в каменный пучок.

– Люся, оставьте его в покое, Белоярова в холле разговаривает с фотографом. Это она взяла журнал, так что можете так сильно не переживать.

– Я и не переживаю сильно, – громко ответила та.

В двадцать три года нелегко скрывать свои чувства. А эту даму Люся не очень любила за ее менторский тон с яркой снисходительной нотой. Тон менялся, только когда Аршанская вела передачи на радио или разговаривала с мужем по телефону. В эти моменты она казалась чудесной дружелюбной женщиной, которой можно открыть любую тайну. Глядя на нее, Люся уверилась в том, что психологам доверять не стоит.

Воспользовавшись моментом, грузчик тихо смылся, а Аршанская подошла ближе и положила на Люсин стол набитую бумагами папку.

– Для Белояровой, – коротко пояснила она. – Отдайте сразу и не затеряйте, пожалуйста. А ей принесите в холл еще несколько журналов, она потребовала. Да распаковывайте осторожно, она только что палец порезала о бечевку, раскричалась...

Когда Аршанская вышла, Люся со вздохом взгромодила разодранную пачку на стол и принялась расправляться с упаковкой с помощью канцелярских ножниц. Если ее начальница что-то требовала, а не просила – это значит, следует шевелиться, настроение у нее отвратительное. Тем более она кричит на фотографа. Сказать по правде, такое случалось нечасто – главный редактор была женщиной хоть жесткой и не слишком любезной, но не крикливой.

Несмотря на спешку, Люся все-таки не удержалась и торопливо пролистала журнал. Вот они – фотографии! Аж дух захватывает. Женщины со знакомыми лицами – и при этом совершенно незнакомые. С лучистыми глазами, раскованные, прекрасные... Люся тоже

могла бы стать прекрасной. Ей бы подобрали длинное платье и сделали прическу, а Люда Горенок, ассистент фотографа, накрасила бы губы и освежила щеки. И на этот снимок можно было бы любоваться в те дни, когда тебе особенно грустно и так не хватает чего-то хорошего.

Та же Аршанская на фотографии выглядит просто сногшибательно. С распущенными волосами она похожа на русалку, ее мягкие обнаженные руки как будто светятся. А до чего хороша Белоярова! Наткнувшись на снимок начальницы, Люся вздрогнула и очнулась. Нужно скорее бежать в холл, пока ее не начали искать.

Она выскочила из приемной, традиционно зацепившись локтем о косяк. Раздался глухой стук.

– Уй! – сказал вместо нее появившийся из соседнего кабинета арт-директор Свиноедов. И, сопереживая, потер собственный локоть. – Девушкам следует быть грациознее. Вы так всю красоту об углы обобьете.

Люся шмыгнула носом, как подросток, которого поймали на том, что он вытирал жирные руки о штаны. Свиноедову лучше не отвечать, себе дороже. Он цеплялся к каждому, кто попадался ему на пути. Его язык жалил, колот и рвал на части. Оппоненты уходили от него окровавленными. Впрочем, это неудивительно – человек с такой фамилией наверняка с детства наслушался всяких гадостей и, рано или поздно, должен был прийти к выводу, что все люди – убого мыслящие кретины со скудным воображением.

Правда, с Люсей до сих пор он был подозрительно сдержан. Возможно, просто приглядывался.

Арт-директору только что стукнуло тридцать, но выглядел он моложе благодаря буйным кудрям и пухлому ребяческому рту. Белоярова называла его человеком со скандальной внешностью. Булавки протыкали его кожу в самых неожиданных местах. В каждом ухе болталось по три колечка, а в правой ноздре застряла металлическая бусина, гипнотизировавшая собеседников. Поговаривали, что украшения у него есть даже в интимных местах, а на попе татуировка в виде сердца и розы. Впрочем, никто не хотел признаваться, что знает это доподлинно.

– А что это у вас такое? Новогодний номер? – спросил он, делая манящие движения рукой. – Дайте-ка мне посмотреть.

Люся прижала свою ношу к груди и энергично помотала головой:

– Это для Аллы Антоновны, она меня в холле ждет.

– Чего вы жадничаете? – обиделся Свиноедов. – У вас же два экземпляра.

– Там еще фотограф, – пояснила Люся, страдая оттого, что ее заподозрили в жадности. – Ему тоже нужно.

– А! Милованов! Просто замечательно, что он пришел. С самого утра хочу с ним потолковать.

Арт-директор оживился и двинулся по коридору вслед за Люсей. Дышал он бесшумно и ступал тихо, как кот. Под щекочущим взглядом, изучавшим ее тыл, она два раза глупо споткнулась.

Чем ближе их маленькая процессия подходила к холлу, тем отчетливее оттуда доносились голоса. Ясное дело, Милованов спорил с главным редактором. Он всегда со всеми спорил, потому что имел на все собственное ужасное мнение и отстаивал его с фанатизмом. Это был крупный мужчина с рыжей растительностью на лице и добрыми руками плотника. Худая Белоярова казалась рядом с ним девочкой.

– Наконец-то! – воскликнула она, заметив собственную секретаршу. – Я думала, у тебя понос. Или позвонили из Кремля, и ты окаменела от неожиданности.

К Люсиным щекам прилила кровь, а сердце гулко забилося. Воспитанная доброй и справедливой бабушкой, она все никак не могла привыкнуть, что люди порой говорят обидные вещи просто так.

– Салют, – бросил Милованов и через ее плечо немедленно обратился к арт-директору: – Костя, только не ори, я сброшу тебе фотки сегодня вечером.

– Я никогда не ору, – гордо ответил Свиноедов, наблюдая за тем, как главный редактор нервно перелистывает страницы журнала, оставив сигарету во рту и пытаясь справиться с дымом. – Орут только голодные обезьяны. А я повышаю голос. И то лишь в особых случаях. Например, когда такие морды, как ты, навязывают другим свои убогие вкусы.

– Что ты имеешь в виду? – тотчас среагировала Белоярова, вскинув голову. – Что опять у вас случилось?

– Это у всех нас случилось, – хмыкнул Свиноедов. – Обернись, Алла. И вы, Люся, обернитесь тоже, – не обошел он вниманием секретаршу, которая стояла с пылающими щеками и не знала, куда деться. – Посмотрите, что с легкой руки нашего фотогения повесили в холле. А ведь холл – это лицо офиса.

– Ну, не твое же, – немедленно ошетинился Милованов. – Кроме того, это – произведение искусства. Очень современное, яркое и, допустим, немного полемичное.

– Если я не ошибаюсь, автор этого шедевра – ты, верно?

Люся сделала несколько шагов вперед, чтобы посмотреть, о чем они спорят. Предмет спора висел на стене, вставленный в массивную раму, и носил помпезное название: «Голубь, гадящий на фигуру Тритона в фонтане на площади Бокка-делла-Верита в Риме». Выглядело произведение искусства странно. Голубь был обозначен жирной белой линией и напоминал обведенное мелом место, на котором прежде лежал труп. Изображение фонтана вырезано из журнала и криво наклеено на лист.

– Что это? – озадаченно спросила Белоярова. Доверив создание интерьера ответственному секретарю, она перестала обращать внимание на обстановку в офисе. Картину с голубем она точно не заметила. – Откуда это?!

Если бы Люсю спросили, что в ее начальнице прежде всего обращает на себя внимание, она без колебаний ответила бы – холодные глаза. Люся восхищалась успехами Белояровой, ее деловитостью, раскованностью и женским изяществом. Но, сказать по правде, совсем не хотела, чтобы к тридцати двум годам у нее был подобный взгляд. Люди с таким взглядом вырастают из детей, не верящих в Деда Мороза.

– Это коллаж, – ответил Милованов, закипая от вида глумливой ухмылки арт-директора. – Прекрасная вещь. Доверьтесь моему художественному чутью. В конце концов, вы разговариваете с профессионалом.

Было ясно, что за гадающего голубя он станет биться до последнего и наверняка победит. Его творческое самолюбие к настоящему моменту достигло угрожающих размеров. Поначалу, во времена становления Милованова как художника, самолюбие было маленьким червячком, точившим гранит его мужского характера. Сегодня червяк разросся до размеров древесного питона и то и дело норовил отхватить у хозяина то совесть, то разум. Ладить с ним Милованов не умел.

– Пусть висит, – неожиданно решила Белоярова. Сделала глубокую затяжку, быстро выпустила дым и посмотрела на Люсю: – Можешь идти, у тебя еще куча дел. Журналы не раздавай кому попало.

– Хорошо, – ответила та. – А кто попало – это кто?

– Кто попало – это все, кроме меня, – отрезала начальница и мотнула подбородком в сторону приемной, побуждая секретаршу двигаться.

Она явно была чем-то расстроена и раздражена. Хотя выглядела все равно сногшибательно. Правда, постриженные под мальчика темные волосы топорщились на макушке, но никто не находил это забавным.

Секретарша молча развернулась и отправилась на свое рабочее место, бросив взгляд на торжествующую физиономию фотографа. Свиноедов молчал, глядя на голубя с брезгливой

печалью. Было ясно, что он рассчитывал на поддержку и теперь разочарован до глубины души.

Очутившись в коридоре, вне поля зрения начальницы, Люся позволила своим плечам поникнуть. Обидно, когда тебя пинают ни за что, ни про что. Просто потому, что ты не можешь дать отпор. Или нужно было дать отпор? В конце концов, она секретарь, а не крепостная. В этот момент до огорченной девушки донеслись слова, заставившие ее замереть на месте. Дождавшись, пока ее помощница уйдет, Белоярова понизила голос и сердито прошипела:

– Андрей, как могло случиться, что Антипова не попала в номер?

– А кто это – Антипова? – удивленно переспросил фотограф.

– Это Люся, которая только что стояла перед тобой, моя секретарша.

– И чего я ей сделал?

– Ты ничего не сделал! Ты не сфотографировал ее для новогоднего номера. Я только сейчас сообразила, что ее там нет. Вот, пролистай страницы. Ее нет!

Люся обмерла, не в силах сделать ни единого шага. Она прижалась спиной к стене и приложила руку к груди. Сердце загрохотало так сильно, что его стук теперь отдавался в ушах.

– А мне кто-нибудь говорил, что ее следует фотографировать?

– Разве нужно было говорить? Решили делать снимки всех сотрудниц редакции без исключения.

– Но номер ведь долго готовили, – обиженно сказал Милованов. – Наверное, она тогда еще не работала. Она же новенькая!

– Ерунду ты несешь. – Белоярова перестала шипеть, уверенная, вероятно, что Люся уже давно достигла приемной. – Я отлично помню, как ты бегал тут со своим фотоаппаратом, сгоняя дам в комнату, где был выставлен свет. И еще спрашивал у Антиповой, как ей нравится идея украсить мою спину татуировкой.

– А, точно. Она, дуручка, удивилась. Татуировка! Пришлось объяснять, что это всего лишь картинка, которую легко смыть. Да... Выходит, она действительно уже работала.

– Она работает здесь три месяца и два дня, – неожиданно сказал Свиноедов пресным голосом.

– Раз ты все знаешь про нее, мог бы и напомнить, – обиделся фотограф. – Я ведь ничего против нее не имею! Она мне даже нравится.

– Ладно, хватит врать, – резко одернула его Белоярова. – Тебе нравится только один человек – ты сам. Поэтому, несмотря на безумные похождения, ты до сих пор не женился.

– Так я собираюсь! – неожиданно признался Милованов. – Выбрал себе зрелую женщину, у которой нет всей этой дури в голове... Романтики всякой и надежд, которые я не смогу оправдать.

– Да, пожалуй, не сможешь, – холодно ответила Белоярова. – Извините, мне нужно спуститься вниз.

Люся, которая все это время почти не дышала, отклеилась от стены и уже хотела было ретироваться, как вдруг дверь кабинета Яковкина, от которой она находилась в непосредственной близости, тихо скрипнула и начала медленно открываться. Люся отпрыгнула в сторону, чтобы не показалось, будто она торчит у замочной скважины. Однако волнения оказались напрасными – из кабинета никто не вышел. Вероятно, дверь отворилась сама по себе, просто потому, что ее неплотно прикрыли. И снова до Люси донеслись слова, не предназначенные для ее ушей:

– Да, номер привезли в редакцию. Я уже видел. Снимок получился фантастическим, баба – пальчики оближешь. Прости за каламбур, но это баба, которая принесет нам бабки. И еще какие! Помяни мое слово. Завтра номер поступит в продажу, и они немедленно акти-

визируются. Они просто посыплются на наши головы, как кокосы с пальмы! Как только я увидел ее, сразу понял, что это отличная приманка. Это крючок!

Взбужденная, заинтригованная, Люся осталась стоять на месте. Господи, раньше она никогда не подслушивала! Ну, разве что в детстве, когда еще заплетала косички. А тут такое искушение...

– Подожди-ка, – неожиданно продолжил Яковкин. – Я выгляну за дверь. Мне показалось, там кто-то есть.

Люся заметалась, не зная, куда деваться. Делать вид, что она идет из приемной в холл? Или наоборот? Господи, так туда – или обратно? Еще не хватало нажать себе врага! Не придумав ничего лучше, она схватилась за дверную ручку соседнего кабинета, который занимал заместитель главного редактора Полусветов. В конце концов, можно придумать какое-нибудь пустяковое дело. Яковкин не должен ничего заподозрить.

Она знала, что этого человека следует опасаться. Ее предшественница, сдавая дела, предупредила: «Ответственный секретарь – самое опасное существо в коллективе». Сейчас самое опасное существо глядело на нее в упор. Она не успела даже на ручку двери нажать, когда он возник на пороге – совершенно бесшумно. Улыбка выступила на его губах ядовитой росой.

– Так это вы тут бродите?

– Я не брожу, – вскинулась Люся. – Я к Полусветову.

От страха ответ получился довольно грубым. Она наконец справилась с дверью и проскользнула к заместителю главного редактора. К счастью или нет, но Полусветова не оказалось на месте. Вместо того чтобы сразу выйти и укрыться в приемной, Люся зачем-то подошла к его письменному столу и нервно переложила пачку бумаги с одной стороны стола на другую. И при этом задела чашку, которая стояла на самом краю. Чашка что-то недовольно буркнула, роковым образом покачнувшись и секунду спустя грохнулась оземь.

Ахнув, Люся обежала стол и увидела, что чашка разбилась вдребезги.

– Антипова! – раздался в этот миг из коридора низкий голос ее начальницы. – Вернись на рабочее место! Ты мне срочно нужна.

Люся дернулась в сторону выхода, потом к осколкам, снова к выходу... В этот момент дверь кабинета распахнулась, и перед ней возник заместитель главного редактора, Николай Клебовников, неофициально носивший звание «первый», – худощавый сорокалетний мужчина с поразительно спокойными глазами. Он был приветлив, часто улыбался, иногда шутил, но взгляд его при этом никогда не зажигался. За рабочим столом он сидел в одной и той же позе: поставив локти на стол и держась руками за голову, отчего всегда казался взъерошенным. Еще он не любил носить костюмы и чаще всего появлялся в редакции в брюках и темных рубашках, туго заправленных под ремень.

– А, это вы, – повел бровью Клебовников. – А Полусветова, стало быть, нет на месте. Кстати, вас разыскивает начальство. Слышите? Вот, опять... разыскивает.

– Я уже иду! – Люся рванулась к двери, проклиная собственную неуклюжесть.

Недавно в одном журнале она прочла статью, в которой подробно разъяснялось, что, если ты постоянно спотыкаешься, роняешь вещи и налетаешь на людей, значит, у тебя есть нерешенные психологические проблемы.

Втайне Люся считала, что у нее только одна проблема – отсутствие любви. Ей уже двадцать три, а ее до сих пор никто не целовал. Ну, тот поцелуй с Гусевым в третьем классе – не в счет. Всю юность она провела в ожидании чуда, а оно не случилось. В нее никто никогда не был влюблен – в этом-то все и дело. Если бы она кому-нибудь понравилась, мир изменился бы в ту же минуту.

– Люся, с вами все в порядке? – обеспокоенно спросил Клебовников.

Она притормозила, посмотрела на него и вспыхнула. Мелкая эгоистка! Превжняя секретарша рассказала ей, что Клебовников восемь лет назад потерял жену. Она была молодой, красивой, и он безумно ее любил! Но как-то утром она вышла в магазин, и... больше ее никто никогда не видел. Исчезла, пропала без вести! Говорят, он все еще ждет ее, все еще надеется, что она жива и однажды вернется домой.

История была душераздирающей и оставила в Люсином сердце неизгладимый след. По сравнению с горем Клебовникова ее мелкие горести выглядели просто стыдно.

– Все очень хорошо, – пролепетала она, прошмыгнув мимо него к выходу.

По коридору она промчалась, как ветер, следуя громкому зову Белояровой, которая в настоящий момент обреталась в коридоре и делала выговор охраннику.

– Вы – визитная карточка нашего журнала! – говорила она, приблизив лицо к самому его носу. Охранник был молодым, плечистым и мятым со сна. – Вы не имеете права лежать головой на стойке да еще храпеть! Мало того, что вы не выполняете свои функции, вы еще и позорите редакцию.

– Я больше не буду, – сказал охранник проникновенно.

Люся давно заметила, что «я больше не буду» – типичная реакция мужчин на кричащих женщин. Впрочем, на Белоярову его обещание не произвело должного впечатления. Она велела Люсе взять у него объяснительную записку и ушла, возмущенно цокая каблучками.

– Приложился щекой на пять минут, – пробурчал тот и некоторое время молча сопел над чистым листом бумаги. Потом что-то коротко нацарапал, сложил лист и подал ей. – Пожалуйста.

Люся взяла лист и вздохнула. Она не раз видела, как некоторые сотрудницы, молодые и не очень, кокетничают с этим самым охранником и он охотно откликается – расправляет грудь и раздвигает губы в медленной улыбке. На Люсю же он смотрел, как на что-то совершенно неинтересное, и от этого становилось как-то не по себе. Помимо жизненных принципов, сформировавших ее личность, в Люсиной душе присутствовало и женское начало, которому хотелось всех тех глупостей, которые мужчины совершают ради женщин. Но...

Возвращаясь в приемную, она замедлила шаг возле кабинета ответственного секретаря, припомнив подслушанный недавно телефонный разговор. По правде сказать, разговор был более чем любопытный. И, ясное дело, тайный. Для чужих ушей он точно не предназначался. Интересно, о какой фотографии шла речь? Яковкин сказал: «Эта баба принесет нам бабки». Какая баба? И каким образом она может озолотить ответственного секретаря?

Люся решила вечером, оставшись в одиночестве, просмотреть свежий номер страница за страницей. Возможно, тогда она о чем-то догадается? Прямо сейчас нужно положить журнал в сумку, чтобы не забыть.

Однако это не удалось. Возвратившись в приемную, она сразу же наткнулась на директора по рекламе Клару Шурьянову, длинную и тощую даму, которая беспрестанно курила и щурила один глаз.

– Носишься? – спросила Клара, поигрывая зажигалкой. – Если бы не я, сокровища уже давно бы разграбили. – Она кивнула на стопки журналов у стены и потребовала: – Достань один и покажи, хорошо ли я вышла. Всю ночь только об этом и думала. Когда фотографировалась, Милованов заставил меня задрать подол. Они с ассистенткой нарисовали на моей ляжке маленький ананас. Пообещали, что это будет выглядеть соблазнительно. Боюсь, наврала.

Клара разговаривала басом, никого не стеснялась и легко употребляла ненормативную лексику. Она выросла с тремя братьями, отлично плавала, увлекалась подледным ловом и умела стрелять из ружья. Мужчины опасались ее, так как Клара была невосприимчива к лести и обидно хохотала, когда ей делали комплименты.

– Жуть, – сказала она, пролистав журнал, который Люся достала из открытой пачки. – Ты это видела?

– По-моему, очень красиво, – тихо сказала Люся. – Такие платья...

– При чем здесь платья? Ты на рожи, на рожи посмотри. Так нравиться самому себе – это просто разврат. Какое фантастическое самодовольство. Ты меня видела? С ананасом? – Она сунула секретарше в нос собственную фотографию. – Нет, я рождена не для этого.

– А для чего? – спросила Люся с боязливым любопытством.

– Не знаю, – пожала плечами Клара. – Возможно, для того, чтобы выкурить полторы тонны сигарет. Или возделывать огород в Тверской области. Или задушить собственного мужа, когда он в очередной раз положит вывернутые носки в вазу для фруктов. Не знаю, – повторила она.

В этот момент в приемную ворвалась Белоярова и, не останавливаясь, двинулась к своему кабинету. На ходу она резко спросила:

– Люся, тебе кто-нибудь что-нибудь для меня оставлял?

Ее глаза сверкнули негодуя.

– Аршанская, – спохватилась та. – Вот эту папку.

– Дай сюда.

Не дожидаясь, пока ей подадут требуемое, Белоярова влетела в кабинет и захлопнула за собой дверь с такой силой, что в цветочных горшках на подоконнике вздрогнули фиалки.

– Поспеши, – посоветовала Клара. – Сегодня у нас извержение вулкана. Давненько я такого не видела. Интересно, что случилось...

Люсе вовсе не было интересно. Как только Клара вышла, она схватила вышеупомянутую папку и метнулась за сердитой начальницей. Требование следовало исполнить немедленно. Ей и в голову не пришло, что нужно постучаться. Она без предупреждения распахнула дверь и тотчас сдала назад.

Сцена, открывшаяся ее глазам, была сколь неожиданной, столь и невероятной. В комнате Белоярова была не одна. Здесь же находился Клебовников, который, судя по всему, уже поджидал ее внутри. И когда Люся вошла, он как раз выворачивал главному редактору руку. То есть реально выламывал ее, заведя далеко за спину. Он бы зол, как черт, и тяжело дышал, а на лице согнувшейся пополам Белояровой застыла мука.

Как только Люся открыла дверь, Клебовников резко дернул головой и сразу же выпустил свою жертву. Вместо того чтобы закричать на него или как-то еще выразить свои эмоции, Белоярова схватила сумочку из крокодиловой кожи, валявшуюся на столе, метнулась к своему креслу и упала в него с видимым облегчением.

Клебовников с независимым видом засунул руки в карманы брюк и воззрился на Люсю.

– Папка... – квакнула она, обращаясь непосредственно к нему, а не к собственной руководительнице. – Мне сказали принести.

Она еще никогда не оказывалась в экстремальных ситуациях, касавшихся отношений между людьми. Страсти, о которых Люся читала в книгах, без сомнения, хватали за душу, но при этом всегда были такими красивыми... В реальности все оказалось по-другому. Люсе стало страшно.

Невесомыми руками она положила папку на край стола и попятилась назад, в безопасную прохладу приемной.

– Закройте за собой дверь, – бросил Клебовников.

На нее уставились два утративших голубизну цинковых глаза. Она кивнула и молча выполнила его требование. После чего секунду или две стояла на месте, не двигаясь – в центре жесткого офисного ковра с консервативным узором. Потом вдруг Люсю окатила жаркая

волна ужаса. Что, если Белоярова рассчитывала на ее помощь? А она даже не посмотрела в ее сторону – выскочила из кабинета как ошпаренная!

Нужно перестать паниковать и убедиться в том, что начальница в безопасности. На цыпочках Люся возвратилась к двери в кабинет и прильнула к ней худеньким телом, плотно прижав ухо к шероховатой поверхности. К счастью, дверь была тяжелой и значительной и, когда ее торопливо толкали, не захлопывалась до конца. Только поэтому у Люси появился шанс услышать то, о чем говорят внутри.

Диалог оказался захватывающим и поразил Люсю до глубины души.

– Зачем тебе пистолет? – спросил Клебовников.

Вероятно, это был первый вопрос, который он задал Белояровой после ухода секретарши. Эти несколько секунд оба молчали, приходя в себя.

– Ты забрался в мою сумку. – Голос Белояровой предательски дрожал. Не от гнева. Она пыталась справиться со слезами.

– Мы работаем вместе чертову прорву лет, – продолжал Клебовников. – Я знаю тебя как облупленную.

– И что? – с вызовом спросила она. – Это дает тебе право брать чужие вещи?

– В дамских сумочках лежат ответы на многие вопросы, – хмыкнул Клебовников. – Я заметил, что ты сама не своя и чуть что – хватаешься за нее.

Люся не могла заставить себя отлепиться от двери, хотя уже поняла, что начальнице больше ничто не угрожает. По крайней мере, Клебовников выступает в роли друга, а не врага.

– Коль, это не твое дело.

– А чье, интересно? Я работаю в журнале, который ты возглавляешь. Если что-нибудь случится, пострадают все. Ты об этом не думала?

– Да с чего ты взял, будто что-то случится? – Белоярова постепенно оживала. Голос ее набрал силу и обрел необходимую твердость. – Масса женщин носит с собой оружие.

– Мне только сказки не рассказывай. – Скрипнул пол. Вероятно, Клебовников прошелся по кабинету. После паузы спросил: – Ты кого-то боишься?

– Я никого не боюсь.

Белоярова сказала это так твердо, что при других обстоятельствах Люся ей поверила бы. Хотя... Она – не показатель. Ее легко может обвести вокруг пальца даже дрессированная лошадь.

Что ответил на это заявление Клебовников, Люсе узнать уже не удалось. Ей показалось, будто кто-то медленно приближается к приемной, хотя ворсистая ковровая дорожка и проглатывала звук шагов. Не желая быть застигнутой на месте преступления, Люся порхнула к рабочему креслу и, чтобы скрыть смутнение, принялась вращаться в нем, отталкиваясь воздушной ножкой от пола.

Она успела сделать лишь два оборота, когда на пороге нарисовался глубоко и гневно дышащий Леонид Карлович Полусветов. Былая сила уже перебродила в нем, но все еще напоминала о себе мощной поступью. Это был крупный старик с завидным разворотом плеч и мшистыми бровями. Впрочем, сильнее всего возраст выдавала редкая тусклая щетина. У охранника Игоря, к примеру, растительность на лице была сочной, жесткой и росла весело, как канадский газон. Лицо же Полусветова напоминало серый валун, обросший бледным мхом. Однако на людей он смотрел остро и зорко, как всегда готовый к драке бродячий пес. Какими путями представитель «старой гвардии» попал в редакцию модного глянцевого журнала, Люся не знала. Зато знала, что Полусветов скоро уволится, потому что уезжает жить к сыну в Лондон.

– Здравсте, – пролепетала она, притормозив носком туфли. – Алла Антоновна занята. У вас что-то срочное?

– Срочное, – неожиданно рывкнул на нее степенный Полусветов. – Я жаловаться пришел.

В ту же секунду дверь заветного кабинета отворилась, и на пороге возник Клебовников.

– Жаловаться? – удивленно переспросил он. – Ты – и жаловаться? Сегодня просто день чудес.

Белоярова появилась из-за плеча своего зама, лицо ее пылало. «Уж не целовались ли они?» – подумала Люся с сомнением. Обычно игривые мысли не приходили ей в голову вот так вот, с лету. Но сегодня случай был особый. Целовались или боролись. Или же словесная перепалка их так взбудоражила.

– Что такое, Леонид Карлович? – деловито спросила Белоярова.

«Нет, вряд ли они целовались, – снова подумала Люся. – Слишком уж быстро она пришла в себя». Если бы ее кто-нибудь поцеловал, да еще на рабочем месте, она улетела бы к звездам и вернулась дня через два. Впрочем, Белоярова – не она. Белоярова – жесткая, но очень естественная. Люся ей завидовала. Не тому, что у нее фантастическая фигура, яркое лицо, короткие и густые красивые волосы. А вот именно этой врожденной грации и внутренней свободе, которая или есть, или нет. Люся не была дурочкой и понимала, что ей никогда не стать похожей на свою начальницу.

– Что такое?! – переспросил Полусветов. Он отдувался, как закипающий чайник, и слова снарядами вылетали у него изо рта. – Вандалы ворвались в мой кабинет! Разбили мою чашку! Ее подарили мне четверть века назад, я привык к ней! Я не смогу без нее! Разбили вдребезги! Кто-то прокрался и...

Белоярова озадаченно потерла переносицу и переступила с ноги на ногу. Кажется, она все еще была в замешательстве. Клебовников между тем бросил быстрый взгляд на Люсю Антипову, которая болталась где-то позади Полусветова, и сразу все понял. Вид у секретарши был ужасный. Именно с таким выражением лица драматические актрисы падают в обморок, сотрясая подмостки.

Клебовников не удержался и хмыкнул. Люсю Антипову следовало спасать. Против Полусветова она не выстоит, «чашечная буря» способна перевернуть и потопить утлое суденышко ее самоуважения.

– Слушай, Леонид Карлович, – сказал он, изобразив раскаяние и замешательство. Для пущего эффекта он даже потер затылок. – Ты уж прости, но это не вандалы. Это я. Зашел я, понимаешь, к тебе в кабинет, тут телефон зазвонил. А чашка твоя на краю стола стояла. Опасно так стояла. Ну, рукой я махнул, она возьми и...

– Именно так самое страшное и случается, – неожиданно вмешалась Белоярова. – Ты ни о чем таком не подозреваешь. А потом делаешь один неосторожный шаг – и все, ничего не поправить.

– Так чего ж ты... Даже осколки не собрал! – Грудь Полусветова все еще бурно вздымалась, однако с лица схлынула нехорошая бледность, и оно покрылось нежно-розовыми пятнами. – Ушел, все бросил... Я думал – вандалы!

– Меня срочно на переговоры вызвали, Лень, – продолжал оправдываться Клебовников, тревожно поглядывая на Люсю Антипову.

Сообразив, что заместитель главной обо всем догадался и теперь ее выгораживает, она пришла в такое волнение, что едва не вылезла из своей дурацкой кофты. Ломая руки и кусая губы, она стояла позади Полусветова, готовая сейчас же выйти вперед, признаться во всем и тут же отправиться на казнь.

Она вообще была девушкой особенной, не из этой жизни. Когда Клебовников увидел ее в первый раз, он даже опешил. Глаза бескорыстные и серьезные, как у щенка, притащившего палку. Именно такие дурочки без колебаний углубляются в темный лес, чтобы угостить бабушку пирожками. Что с этим можно поделать, Клебовников не знал. Зато он знал твердо,

что не сегодня, так завтра кто-нибудь обломает ей крылья. И тогда она или повзрослеет и окрепнет, или совсем пропадет. Клебовникову было жалко, чтобы она пропала.

Стараясь как-то подбодрить Люсю, он улучил момент и заговорщически подмигнул ей. Она несколько раз судорожно вздохнула, после чего зажала рот рукой и бросилась вон из приемной.

– Что это с ней? – спросила Белоярова, изумленно наблюдая за бегством собственной секретарши. – Она сегодня очень странная.

– Сегодня все очень странные, – сердито ответил на это Полусветов.

Негодование боролось в нем со справедливостью. Вымещать на Клебовникове свою досаду было глупо, да и не с руки.

Люся тем временем неслась к туалету. Ей необходимо было уединиться и выплакать те чувства, которые затопили ее душу. Благодарность к Клебовникову и одновременно жгучий стыд за свой поступок. Конечно, нельзя было позволять ему брать на себя разбитую чашку, но это было так... сладко: сначала испугаться, а потом вдруг совершенно неожиданно оказаться в безопасности. Она никак не могла проглотить комок, застрявший в горле, поэтому спряталась в кабинке, за неимением носового платка оторвала клочок туалетной бумаги и уткнулась в него носом.

Однако поплакать ей не дали. Наружная дверь открылась, стукнув о стену, и по кафельному полу заклацали шпильки. В редакции практически все женщины ходили на высоких каблуках, и было непонятно, кто вошел. Люся закусил губу, чтобы не всхлипывать. Однако шпильки не двинулись в соседнюю кабинку, они замерли на месте. Почти тут же дверь хлопнула снова, и раздался голос уборщицы Зинаиды:

– Вот ты где, засранка! А ну-ка, дай ее мне сюда!

Говорила она сердито, прямо как Полусветов, и Люся страшно удивилась: кого это уборщица могла назвать таким пошлым словом. Кого-то из редакции? Быть не может.

– Уйди, дура! – раздалось в ответ, и Люся с изумлением узнала голос Ирины Аршанской. – Уйди, или я за себя не отвечаю.

– А вот я возьму и все ему расскажу, – выплюнула Зинаида. – Получишь тогда на орехи.

– Я приказываю тебе отвалить! Приказываю!

– Да хоть обприказывайся!

– Отдай, гадина!

Было ясно, что они что-то отнимают друг у друга и уступать ни одна, ни вторая не собираются. Послышалась возня, сдавленные ругательства, вскрик – и Люся, позабыв про свои заплаканные глаза, неожиданно для всех, и для себя самой тоже, вывалилась из кабинки. Вероятно, у нее в крови жил какой-то опасный вирус, который заставлял ее – чуть что – бросаться на помощь ближнему.

Аршанская стояла возле умывальника вся красная, с растрепавшимися на висках волосами и раздувала ноздри. Зинаида, острогрудая и мощная, как ледокол, прижималась спиной к стене. В руках она держала изящную бархатную сумочку с логотипом известной фирмы. Эта вещь по определению не могла принадлежать Зинаиде, откровенно презиравшей все миниатюрное. Она постоянно иронизировала над крошечными кофейными чашками в кабинете Белояровой и ворчала, протирая корешки коллекционных книг размером с ладонь. Если уж покупать вещь, так значительную, а не какую-то фигню.

– Простите, – сказала Люся решительно. – Могу я вам помочь?

Она переводила взгляд с одной женщины на другую. Обе не шевелились, глядя на нее одинаково обалдевшими глазами.

– Помочь? – наконец выдавила из себя Аршанская, сдувая со лба взмокшую прядь. – Зачем это? Мы просто немного поспорили. Иди, Зинаида.

– Иду, иду, – проворчала та уже совершенно по-доброму. Словно нянька, которая легко прощает нерадивое чадо. – И эту штуку с собой возьму.

Она потрясла в воздухе сумочкой, потом сунула ее под мышку и вышла. Люся тут же вспомнила слова Клебовникова: «В дамских сумочках находятся ответы на многие вопросы». Правда, у самой Люси в голове не было ни одного достойного вопроса.

Аршанская распустила волосы, пригладила их двумя руками и весьма ловко закрутила в пучок, повернувшись лицом к зеркалу. Так что на Люсю зыркнула не она сама, а ее отражение. Потом Ирина Макаровна похлопала ее по плечу и ушла, покачивая бедрами. Когда она открывала дверь, в туалет ворвались мужские голоса. Люся прислушалась. Это снова были фотограф и арт-директор, застрявшие в коридоре. Судя по всему, они забыли о голубе и нашли другую интересную тему для разговора – о женщинах.

Люсе не хотелось проходить мимо них с заплаканными глазами. Она побрызгала себе в лицо холодной водой, чтобы охладить покрасневший нос, но не преуспела. Ненадолго застыла у двери, решая – идти или не идти. И услышала, что мужчины обсуждают. Вернее, кого. Полину Ландарь, редактора отдела «Путешествия».

– У нее фигура классная, – мечтательно протянул фотограф. – Это огромная редкость. Обычно бабы бывают или радикально толстыми, или дохлыми, как недокормленные канарейки. А у этой? Всего в меру, не придерешься. Я хочу куда-нибудь ее пригласить. Начать, так сказать, официальное ухаживание.

– Но ты должен знать, Андрей, – заявил подлый Свиноедов, – раз она немолода и так хорошо выглядит, это означает только одно. Ее тело подверглось серьезному воздействию извне.

– Какому это? – ревниво спросил тот.

– Его мjali свирепые массажисты и резали пластические хирурги. Ну, если не резали, то обкалывали ботоксом. Отсасывали лишний жир с бедер. И что-нибудь наверняка засунули в бюст – я случайно задел его локтем, он твердый, как хрящ.

– Меня сейчас вырвет, – сказал Милованов. – Тебе не нужны два билета на мюзикл? А то у меня лишние... образовались.

Люся решила, что стыдно стесняться таких идиотов, как эти двое, и гордо вышла из туалета. Вернее, это ей показалось, что гордо. На самом деле выглядела она совершенно убитой. Свиноедов мгновенно это усек и громко спросил:

– Люся, что у вас случилось?

– Чулок поехал, – бросила она, прибавляя шаг.

– Но вы ужасно расстроены!

– Для меня это страшная неприятность, – не оборачиваясь, ответила она. – У меня зарплата маленькая.

Позади нее повисла трагическая тишина. Люся решила, что ответила удачно. На самом деле, у нее редко так получалось. Чаще всего она не умела найти с ходу нужную фразу – чтобы от нее отвязались. Начинала лепетать и выглядела глупо.

Ковровая дорожка лежала посреди коридора, как лимонка, четко знающая, где всему начало и где конец. Люся шагала по ней, жалея, что в жизни нет таких же понятных ориентиров и каждый поступок заносит тебя то на одну сторону, то на другую, а то и вовсе выкидывает на обочину.

Клебовников сидел в ее собственном рабочем кресле и разговаривал по мобильному телефону. Одновременно он рисовал на каком-то документе кривые ромашки – одну за другой. Десятки ромашек, заполонивших белые поля на странице. Увидев Люсю, он во второй раз за день подмигнул ей и быстро свернул разговор.

– Ну, чего вы расстроились? – спросил он вполне человеческим тоном. – Вместо того чтобы обрадоваться...

– Я обрадовалась, Николай Борисович. Я вам ужасно благодарна, но вы не должны были...

– Да вот, вы ошибаетесь. Мужчины иногда кое-что должны. Прекратите самобичевание и принимайтесь за работу. Алла Антоновна оставила вам целую кипу писем. – Он встал, уступая ей место. – Кстати, вы завтра идете на вечеринку, которую устраивают спонсоры? Вот конверт с вашим приглашением. Приглашение на два лица.

Тут Клебовников снова проявил чудеса героизма и успел предвосхитить Люсину панику:

– Но если вы придете одна, это не страшно. Там многие будут в единственном лице. Я, например, тоже без пары. И наш арт-директор, и Милованов, да было бы вам известно. Наденьте завтра что-нибудь нарядное... Ну, бусы какие-нибудь или брошку, и вечером отправимся. Если хотите, я вас на машине подвезу. У вас ведь нет машины?

Машины у Люси не было, и она молча помотала головой. Клебовников был слишком добрым, и ее глаза снова сверкнули влажной благодарностью.

– Еще раз спасибо... С чашкой вышло так глупо...

– Пусть это будет самой большой неприятностью в нашем коллективе, – ответил Клебовников искренне.

Перед тем как выйти из приемной, он незаметно посмотрел в окно. Тип в сером полушубке, замотанный шарфом по самый нос, по-прежнему отирался возле киоска, под самым фонарем. С такого расстояния Клебовников не мог видеть его глаз, но был уверен, что они неприятные. Выходить на улицу не хотелось. Там было холодно, и валил снег, притупляя темноту и скрадывая звуки. Окно висело на стене, как черный лист, на котором кто-то густо и неразборчиво писал белыми чернилами. Клебовников с трудом перевел дух. Рабочий день заканчивается. К сожалению. Вполне возможно, что, как только он шагнет за порог, тусклая пуля с крошечным отблеском на острие рванет ему навстречу.

Корпоративная вечеринка. Драку заказывали? VIP на грани нервного срыва

Зима вошла в город захватчиком и за одну ночь погребла под снегом материальный мир, наделав повсюду круглых бугров. Люся отодвинула шторы, оперлась ладонями о подоконник и заглянула вниз. Внизу все изменилось со вчерашнего дня. Легковушки, оставленные на стоянке возле дома, сверху казались варениками, выложенными на обсыпанный мукой противень. По снежному морю двора носилась овчарка, погружаясь в сугробы и выныривая из них, как дельфин. Она повизгивала, делясь с хозяином неизбывным собачьим счастьем и оставляя за собой буруны. Длинный розовый язык болтался в ее пасти, словно детский носок.

Люся села на подоконник, размышляя о предстоящей сегодня пытке. Вечеринка. Возможно, для других это повод развеяться, но уж точно не для нее. И вот еще что. Если она явится на службу нарядная, Белоярова наверняка отпустит какой-нибудь комментарий, от которого душа покроется волдырями.

В конце концов выход нашелся. Люся выбрала простое платье и надела сверху деловой пиджак. А с собой взяла вечерний, с блестками. Достаточно одной минуты, чтобы преобразиться в конце дня. Поколебавшись, она распустила волосы и подкрасила ресницы. По ее мнению, получилось довольно выразительно. Вооружившись ледяным спокойствием, Люся отправилась на работу.

Однако стоило ей переступить порог редакции, как лед пошел трещинами. Охранник Игорь, приросший к своему стулу возле входа на этаж, поздоровался с ней вежливо и посмотрел равнодушно. Таким взглядом мужчины смотрят на редиску, сопровождая жену в ее странствиях по базару. В коридоре Люся догнала лилового с мороза Полусветова. Он немедленно спросил, есть ли у нее кавалер на сегодняшний вечер, и так ущипнул за бок, что едва не сломал ребро. Прodelывать такие фокусы в его возрасте почему-то считалось нормальным.

Потирая бок, Люся вошла в приемную и нос к носу столкнулась с Белояровой, которая явилась минутой раньше.

– Ты опоздала, – выговорила она. Оглядела секретаршу с ног до головы, заметила подкрашенные ресницы и добавила: – Девушка, которая хочет хорошо выглядеть, должна мало спать и много двигаться, а не раскрашивать лицо, как индеец. Учти на будущее.

Весь день Люся обреченно ждала вечера. Будь у нее выбор, она отказалась бы от участия в празднике вообще. Лучше зайти в кафе и полистать новую книгу, заедая ее порцией шоколадного мороженого. Но Белоярова велела себя сопровождать, объяснив это тем, что хочет подарить какому-то Пеструхину из команды спонсоров фирменный календарь... а тот не помещается в вечернюю сумочку. Поэтому Люся должна носить календарь за ней, пока не представится случай от него избавиться.

Бабушка учила ее в каждом событии находить что-то позитивное. Люся долго искала и наконец нашла. Обычно на больших мероприятиях ее одолевало смущение, и она не знала, куда деть руки. Сегодня вечером руки у нее будут заняты календарем. Нужно этому радоваться. Она честно пыталась радоваться, но не слишком преуспела.

Клебовников появился в приемной ровно в семь вечера. В распахнутой дубленке и ярком шарфе, благоухающий одеколоном и, разумеется, всклокоченный. Впрочем, ему это шло. Люся робела перед ним. Он казался слишком взрослым, слишком умным, слишком успешным... Трагедия, случившаяся в его жизни, внушала ей мистический ужас. Люся полагала, что человек, переживший подобное несчастье, заслуживает особого обращения, а она

в таких делах совершенный профан. Кроме того, она слышала, что у него на прошлой неделе умерла мать. И эту смерть он очень тяжело переживал.

– Ну что? Пора ехать, – сказал Клебовников бодрым тоном и посмотрел на нее глазами человека, похоронившего свою душу восемь лет назад. – Не забыли, что я обещал вас подвезти?

В тот момент, когда он выводил Люсю из приемной, придерживая ее за локоть, в коридоре появился Свиноедов, наряженный в свежую, криво застегнутую рубашку.

– Вы куда? – спросил он с мрачной подозрительностью мужа, встретившего на лестнице жену под ручку с почтальоном.

Люся на всякий случай робко улыбнулась, а Клебовников невозмутимо ответил:

– Полагаю, туда же, куда и ты.

– А я куда? – не унимался Свиноедов. – И главное – зачем? Что мне делать среди людей, которые немедленно напьются – простите мою смешную аналогию – как свиньи и учинят какое-нибудь безобразия?! Вероятно, я сошел с ума.

– По-моему, с тобой все в порядке, – заметил Клебовников, проталкивая Люсю вперед. – Впрочем, не знаю. На сегодняшних переговорах ты выглядел странно. А бедную журналистку чуть не просверлил взглядом.

– Я просто пытался понять – то ли это она меня так сильно возбуждает, то ли я купил себе тесные трусы.

Клебовников засмеялся. Он всегда смеялся над шуточками Свиноедова, хотя Люся считала, что тот больше смахивает на трагика, чем на комика.

– Возьмите меня с собой, – потребовал между тем арт-директор не терпящим возражений тоном. – Уверен, я вам зачем-нибудь пригожусь.

– В смысле – если спустит колесо, сам справишься с домкратом?

– По крайней мере, помогу советом.

Он сходил за своим пальто, и все трое спустились по лестнице на первый этаж, очутившись через минуту на улице. Клебовников немедленно застегнул дубленку, потому что ветер уже обшарил его ледяными руками и попытался утащить шарф. Потом он незаметно огляделся по сторонам, отыскивая типа в сером полушубке. Тип стоял все там же, возле киоска, и от холода притопывал ногами. Клебовников быстро отодвинулся от своих спутников. Если в него выстрелят, они не должны оказаться на линии огня. Потом велел им ждать у подъезда и отправился за машиной.

Люся не знала, о чем говорить со Свиноедовым, который стоял молча, засунув руки в карманы длинного пальто. Тогда она стала смотреть по сторонам, тихо радуясь наступившей зиме. Продолговатые леденцы фонарей застряли в небесном сите, через которое сыпалась вниз тонко смолотая мука. Автобусы шли медленно, увозя отяжелевших от усталости людей. Отваливаясь от остановок, они басисто вздыхали. Их глушители кашляли, оставляя в воздухе мохеровые клубки выхлопного газа.

– Люся, у вас есть ухажер? – неожиданно спросил Свиноедов, не поворачивая головы. Его густые кудри летели по ветру, напоминая щупальца горгоны Медузы. – Кавалер, кадр, жених, любовник?

Люся вздрогнула и посмотрела на него со священным ужасом.

– Кто-нибудь, кто может подарить вам варежки? Вы постоянно ходите с голыми руками.

– У меня есть, – жидким голосом ответила она. – Перчатки.

Это был самый стыдный вопрос, который только можно было вообразить. Существует ли мужчина, который захочет о ней позаботиться? Свиноедов безошибочно отыскал Люсино больное место. Она достала из кармана перчатки и быстро натянула их, изо всех сил удерживая

живая на лице легкую улыбочку. К счастью для нее, Клебовников как раз подкатил на своем автомобиле к подъезду и посигналил.

Ехали недолго и вскоре оказались возле внушительного здания с колоннами, которое вылезало брюхом на небольшую площадь, подавляя маленькие особнячки, много лет подпиравшие друг друга плечами. Здание не вписывалось в архитектурный ансамбль, как почти все новое, наглое и скороспелое. Площадь была запружена машинами, которые тройным ожерельем обвилились вокруг памятника, взгромоздившегося на высокий постамент. Люся понятия не имела, кто этот человек, увековеченный в бронзе, но он показался ей ужасно сердитым. На голове у него лежала смешная белая шапка.

Завидев на входе охранников, она торопливо достала из сумочки приглашение и выставила перед собой, но Свиноедов тотчас отобрал его со словами:

– Позвольте уж мне.

Охранников было четверо, они выглядели довольно устрашающе в своих черных костюмах, с квадратными плечами и вставленными в ухо горошинами переговорных устройств. Люсю и Свиноедова они пропустили молча, а представителю Клебовникову сказали: «Добро пожаловать!»

Очутившись внутри, их маленькая компания сразу же попала в эпицентр урагана. Огромный холл первого этажа, украшенный к празднику, был погружен в полутьму. По стенам и потолку носились обезумевшие огни, а динамики грохотали так, словно музыкантам платили за каждую лопнувшую голову отдельно. Около сотни гостей перемещались по залу, уничтожая закуски, танцуя и смеясь. Поверх лысин, начесов и женских укладок, словно плоты, плавали подносы, уставленные бокалами со спиртным.

– Журнал «Блеск»? Вам в правую раздевалку.

Возле них затормозил один из распорядителей вечера – с длинным лицом и бешеными глазами. Он был похож на лошадь, которая после выстрела стартового пистолета усккала в другую сторону и только что опомнилась.

– Люся, позвольте, я за вами поухаживаю. – Клебовников подошел к ней сзади и взял за плечи, побуждая выскользнуть из верхней одежды.

У Свиноедова он тоже забрал пальто, после чего врезался в толпу, клубившуюся неподалеку от входа. Никаких гардеробщиков, выдававших номерки, здесь не наблюдалось. Гости были отборные, считанные, поэтому вешали они свои шубы и куртки, куда хотели. Им указывали лишь сектор, а дальше следовало проявлять инициативу.

Три молодые дамы, оказавшиеся на пути Клебовникова, обратили на него самое пристальное внимание. Они по очереди осмотрели потенциальную жертву с ног до головы, захихикали, склонив головы друг к дружке, и одна из них – с гривой черных кудрей и жгучими очами – отпустила ему в спину какое-то замечание. Клебовников обернулся и ответил. Он улыбался. Как обычно – одними губами. Брюнетка что-то забросила в рот и запила это что-то шампанским. После чего захохотала, закинув голову назад, поскольку ее подружка, яркая блондинка в пышном платье с цветком на груди, подошла к Клебовникову и пощекотала его длинным ногтем под подбородком.

Клебовников спустил ей это. Кажется, ему понравилось. Потом он исчез среди вешалок, а дамы продолжали прихорашиваться.

– Люся, как вы расслабляетесь на вечеринках? – спросил Свиноедов, не сводя глаз с брюнетки. – Травка? Таблетки? Случайный секс?

– Я просто напиваюсь, – пискнула та. Хотя сроду не употребляла ничего, крепче рябиновой настойки. – Но сегодня мне нельзя. Я могу понадобится Алле Антоновне.

Она потрясла перед собой пакетом, в котором лежал календарь, показывая, что все еще при деле.

– Алла Антоновна должна была позволить вам оторваться по полной программе. Вы заслужили, – сказал Свиноедов, повернулся к Люсе и неожиданно посмотрел ей прямо в лицо.

Его глаза смеялись. Люся поняла, что он подтрунивает над ней, и покраснела. Никто не принимает ее всерьез. Даже если она совершит настоящий подвиг, ее будут нахваливать, как ребенка, прочитавшего стих с табуретки. Нужно было что-то сказать, но что? Пришлось призвать на помощь книжный опыт.

– Я бы выпила шампанского, – выдавила она из себя. Что-то в этом духе обычно проносили героини романов, обращаясь к своим кавалерам на балах.

Впрочем, Свиноедов не был ее кавалером. Это был совершенно чужой, почти незнакомый мужчина, случайно оказавшийся рядом. И очень даже жалко, потому что, несмотря на многочисленные заклепки на теле и бесчисленные сплетни, которые окружали Свиноедова, Люсе он, несомненно, нравился. В полумраке зала его кожа выглядела темной, глаза блестели, скрывая неведомые Люсе мысли, возможно порочные. Серебряная бусина на крыле носа казалась каплей ртути, остановившейся на полпути.

– Шампанского? Нет вопросов, сейчас принесу, – сказал он покорно, нырнул в толпу и исчез.

Люся тотчас почувствовала себя обломком кораблекрушения. И пожалела, что отослала единственного человека, к которому можно было прибиться. Впрочем, скоро должна появиться Белоярова. Наверняка она захочет держать секретаршу под рукой – по крайней мере до тех пор, пока не одарит календарем господина Пеструхина, кем бы он ни был. И еще должен возвратиться Клебовников. Он же должен возвратиться?

Она повертела головой и приподнялась на цыпочки. И тотчас поняла, что вряд ли это случится. Клебовников стоял рядом с нахальными девицами, одной рукой приобняв развеселую брюнетку, и рассказывал что-то милое – девицы покатывались со смеху.

Люся озиралась по сторонам, стараясь удержать на лице безразличное выражение. Она надеялась увидеть кого-то из знакомых. И тут заметила уборщицу Зинаиду, которая оделась как обычно, только приколола к воротнику кофточки большую тряпичную розу. Она разговаривала с какой-то незнакомой юркой женщиной и все время стреляла глазами по сторонам, как будто боялась, что их услышат. Хотя услышать хоть слово в таком шуме и гаме было невозможно практически с трех шагов. Юркая женщина что-то отдала Зинаиде, какой-то небольшой блестящий предмет, и сразу ушла, вернее, растворилась в толпе. А Зинаида закатила глаза и быстро перекрестилась.

Сразу вспомнилась потасовка в туалете и растрепанная Аршанская, с которой Зинаида не поделила сумочку. «Любопытно, какими такими делами она занимается», – только и успела подумать Люся.

– Алло! – неожиданно крикнули сзади ей в ухо. Голос был звонкий, дурашливый. – Ты чего тут стоишь, как девушка с веслом в центре парка?

Люся обернулась и нос к носу столкнулась с Людой Горенок, ассистенткой Милованова, про которую тот говорил, что никогда не променяет ее ни на какую другую. Именно Люда готовила его модели к съемкам – придумывала для них прически, накладывала макияж и отвечала за красоту в целом. Вообще-то Люда работала в театре и в кино, но когда Милованов подавал знак, всегда старалась освободиться. В редакции все любили ее за добрый характер и легкое отношение к жизни.

– Какая ты бледная, Люська! Так не годится. Пойдем в туалет, я тебя накрашу. Я Белояровой перед вечеринкой макияж делала, теперь приходится таскать с собой рабочий инструмент. – Она показала разноцветный пузатый чемоданчик с гримом, к виду которого уже давно все привыкли.

Люда была невысокой, крепенькой, широколицей и очень привлекательной. Мужчины называли ее милашкой и поедали глазами, что вызывало у нее исключительно положительные эмоции.

– Пойдем, – согласилась Люся, втайне считая, что отправившийся за шампанским Свиноедов никогда не вернется.

Держась за руки, они пробрались к дамской комнате, которая оказалась размером с гимнастический зал. Люда по-хозяйски расположилась напротив зеркала, подтащив поближе стул на кованых ножках и усадив на него Люсю. Входящие и выходящие женщины смотрели на них с любопытством.

– Жалко, что ты болела, когда всю редакцию снимали для новогоднего номера, – сказала Люда, раскрывая свой чемоданчик. – Уж я бы сделала из тебя конфетку!

– Я не болела, – ответила та мрачно. – Я в приемной сидела, меня просто не позвали.

– Ну да? А я думала – раз тебя нет, значит, заболела!

Она принялась за свое дело с таким энтузиазмом, что через пять минут собрала вокруг себя целую толпу зрительниц. Среди них оказалась пышная дама лет пятидесяти с богатой фигурой и разбойничьим лицом. У нее была сложная прическа, на которую ушел флакон лака сильной фиксации и полкило шпилек.

– А мне вы макияж поправите, когда закончите с этой Дюймовочкой? – поинтересовалась она. – Уж я бы вас отблагодарила... Вам же деньги нужны? Наверняка нужны... Если работаешь по туалетам, значит, остро нуждаешься в средствах.

– Ты иди, – шепнула Люда подруге, положив последний мазок помады на ее губы. – А я тут немного пошустрю.

Похорошевшая Люся кивнула головой и поднялась со стула, прижимая к себе пакет с календарем. Оторвать взгляд от собственного отражения в зеркале оказалось очень трудно. Она выскользнула за дверь, вновь очутившись среди буйства музыки и света.

– Меня зовут Агния Альбертовна, – сообщила между тем дама, усаживаясь на освободившийся стул, бесследно исчезнувший под ее мощными ягодицами. – А фамилия моя – Жузич. Я человек сложных кровей, поэтому характер у меня не сахар. Так что принимайте меня как факт. Во мне смешались такие гены, что страшно подумать. Мои предки по материнской линии были настоящими самками. Уж не знаю, что за удовольствие рожать детей от кого попало – и от цыган, и от китайцев...

Люда поддакивала ей, прикидывая, как бы угодить незнакомой клиентке.

– Да что мы здесь, в туалете, сидим? – неожиданно вскинулась та и посмотрела на стоявших вокруг дам с генеральским раздражением. Казалось, будь у нее шашка, порубила бы всех в капусту. – Пойдемте, милочка, наверх, в мой кабинет. Я, между прочим, большой пост занимаю в этой компании. А вы что думали? Жузичи всегда добиваются поставленной цели. Я еще в пятнадцать лет задумала сделаться начальницей. И сделалась ведь! Теперь у меня в подчинении куча глупых мужчин.

– Ну да? – спросила Люда просто для того, чтобы поддержать разговор.

– Разумеется, мужчины глупые. Никогда не обращали внимания? Вы не смотрите на то, как они себя ведут. Важничают, умные разговоры разговаривают. А отпусти вожжи, и что? Выясняется, что ими движут примитивные инстинкты. Старик Фрейд был прав. Гораздо лучше, чем мозги, у мужиков работают органы внутренней секреции.

Определенно похорошевшая Люся между тем пробралась к столу с едой и проглотила корзиночку с красной икрой, запив ее апельсиновым соком. Потом достала мобильный телефон и проверила, нет ли пропущенных звонков от Белояровой. Ничего не обнаружив, она вздохнула с облегчением и тут заметила охранника Игоря, который стоял возле колонны и обшаривал глазами толпу. На нем был мешковатый костюм, портивший его фигуру. В джинсах и водолазке он выглядел гораздо эффектнее. Заметив Люсю, Игорь оживился, помахал

рукой и двинулся напрямик к ней. Люся заволновалась. Неужели на нее наконец обратили внимание?

– Добрый вечерок, – прокричал тот, подойдя поближе. И улыбнулся своей коронной улыбкой, от которой у женщин происходило защемление здравого смысла. – Хотел узнать, где наша основная?

– Кто?

– Ну, главная. Белоярова! Неужели не пришла? Бросила своих подчиненных в новогодний вечер?

– До Нового года почти месяц, – ради справедливости напомнила Люся. – Кроме того, Алла Антоновна обязательно придет. Ой, да вон она, глядите!

Игорь шустро обернулся и действительно заметил Белоярову, которая стояла рядом с группкой незнакомых мужчин и что-то оживленно им рассказывала. Судя по всему, Пеструхина среди ее собеседников не было, иначе ей потребовался бы календарь, а вместе с ним и секретарша. Высовываться раньше времени не хотелось.

– Ну, ладно, я пошел, – сообщил Игорь, неожиданно потеряв к Люсе всякий интерес. – Просто собираюсь поговорить с ней... с главной... в неформальной обстановке. Чтобы, значит, на ту докладную она глаза закрыла. Будто и не было ее вовсе.

Люся растерянно кивнула. Вот оно что. Игорь подошел к ней за информацией, и только. Что ж, это понятно. С макияжем или без...

– Кстати, – неожиданно добавил тот, обернувшись. – Забыл поздравить.

– С чем же это?

– С романчиком. Ну... У вас теперь отношения... со Свиноедовым. Он давно уже зарился! Я заметил.

Игорь ушел, не подозревая о том, какую безумную надежду подарил Люсе. Впрочем, она не успела толком обдумать услышанное, потому что заметила Милованова. На самом деле его трудно было не заметить. На голову выше толпы, он двигался прямо на нее. Сегодня фотограф надел красную рубашку, гармонировавшую с рыжей бородой, и убийственный галстук, уже чем-то заляпанный. Милованов шел очень прямо и выглядел страшно серьезным. Судя по всему, он был в стельку пьян, но имел некую вполне определенную цель.

Тут же стало ясно, что Люся и есть его цель. Он воткнулся в нее, остановился, с чувством икнул, потом сфокусировал взгляд на ее макушке и мрачно заявил:

– Люся, раз вы женщина, у вас должна быть грудь. Скажите честно, она настоящая?

Люся открыла рот и тут же его захлопнула. Вероятно, этот возмутительный вопрос имел прямое отношение к вчерашнему разговору в коридоре, во время которого фотограф с арт-директором обсуждали достоинства и недостатки Полины Ландарь.

– Желаю убедиться, что женщина, которой я собираюсь предложить руку или, на худой конец, сердце, – подтвердил ее догадку Милованов, – это подлинник, а не фальшивка! Для этого мне нужны... сравнительные тактильные ощущения.

С этими словами он протянул руки с растопыренными пальцами в Люсину сторону. Та неловко отпрыгнула и... налетела на Агнию Альбертовну Жузич, которая как раз вела Люду Горенок к лестнице на второй этаж, позвякивая ключами от своего рабочего кабинета.

Милованов качнулся, потерял равновесие, испустил хриплый крик испуганной ночной птицы, и дородная Агния Альбертовна, не успев и глазом моргнуть, очутилась в его пьяных объятиях.

– Нахал! – крикнула она и ударила Милованова по голове раскрытой ладонью. – Пошел прочь! Прочь!

– Какой бюст!.. – восторженно пробормотал фотограф, не в силах оторваться от созерцания неожиданно обретенного сокровища. – Поистине королевский... Больше, чем у нашей уборщицы... Скажите, п-жал-ста, он настоящий?! Вам туда ничего не подкладывали?

– Ах ты, хамлюга бородатая! – пуще прежнего возмутилась Агния Альбертовна, дрыгая туловищем, потому что Милованов ни за что не хотел от нее отцепляться.

Люда Горенок, ахая и охая, бросилась вызволять своего шефа из неприятной ситуации. Она обхватила его сзади обеими руками за талию и теперь изо всех сил тащила назад.

– Этот бюст тоже липовый! – неожиданно решил Милованов, и его косые глаза сверкнули неподдельным гневом. – Его слишком много. Не может быть, чтобы столько тела сосредоточилось в одном месте!

Агния Альбертовна взвизгнула и дрыгнулась еще раз, очень мощно. Милованов чавкнул, как вантуз, и отлепился от нее, завалившись назад. Именно в это время неизвестно откуда возник Свиноедов с двумя бокалами шампанского в руках.

– Что за шум, а драки нет? – спросил он, глядя по очереди то на Люсю, то на Агнию Альбертовну. Они обе были красные, как будто их облили томатным соком, и бурно дышали.

– Эта пьяная скотина! – грозным голосом объяснила ему возмущенная Жузич, указав перстом на Милованова, который находился в вертикальном положении только благодаря усилиям Люды Горенок. Глаза его разбежались в разные стороны. – Он на меня напал!

– Так-так, понятно.

Агния Альбертовна вырвала у арт-директора из рук бокал шампанского и выпила его одним духом. Прислушалась к себе, потом, игнорируя сопротивление, отняла второй бокал и отправила его вслед за первым. После чего продолжила повествование:

– Он наекался до пороссячьего визга...

– Узнаю своего коллегу.

– Упал на меня, ткнулся своим рылом мне в декольте...

– Возмутительно.

– Потом он меня всю облизывал и еще хрюкал прямо в ухо!

– Как я вам сочувствую.

– В общем, вел себя как свинья! – подытожила Жузич. – Кстати, вы кто?

– Свиноедов.

– Издеваетесь?! – гневно крикнула Агния Альбертовна. – На меня нападают, а вы издеваетесь?!

Она повернулась к Люде Горенок, которая прислонила гениального фотографа к ближайшей колонне и с тревогой ждала – упадет или не упадет.

– Идемте, милая, нам пора. Мы и так изрядно задержались. А вы паяц! – сообщила она арт-директору, оставшемуся стоять с двумя пустыми бокалами в руках.

– Но его фамилия действительно Свиноедов, – звонким голосом сказала справедливая Люся.

– Ну да? – не поверила та. Пожевала губами и нравоучительно заметила: – В нашей стране носить подобную фамилию просто аморально. Обещайте, молодой человек, что сменишь ее на что-нибудь более...

– Вегетарианское, – подсказал тот.

– Грибоедов, – неожиданно четко выговорил Милованов и захохотал.

Хохот его был таким громким и заразительным, что привлек внимание группы людей, среди которых находилась и Белоярова. Она повернула голову, сразу заметила пьяного фотографа, а рядом с ним пунцовую Агнию Альбертовну. Сообразила, что подчиненный попал в историю, и выдвинулась на место происшествия, чтобы расставить все по своим местам.

– Люся, ты не забыла календарь? – спросила она, подойдя и погремев ледяными кубиками в бокале. – Пеструхин – новый человек в холдинге, мне нужно наводить мосты... Я хочу завязать с ним дружеские отношения. Полагаю, ты трезвая? Тогда вот что. Возьми Милованова и выведи его на улицу.

– Но там холодно! Надо пальто взять...

– Не надо, – отрезала Белоярова. – Вам хватит двух минут. Давай-давай, выводи его. Мороз быстро приведет его в чувство. Еще не хватало, чтобы он плясал тут цыганочку с выходом. Отдай мне календарь и твою сумочку, я подержу.

Милованов покорно поплелся за Люсей, которая провела его мимо охранников в предбанник и вытолкнула на заснеженное крыльцо. На улице было жутко холодно, и от разгоряченного фотографа мгновенно повалил густой пар. Он растерянно огляделся по сторонам, потом издал длинный собачий вой, обхватил себя руками за плечи и гневно спросил:

– Ты что, Антипова, охренела? Живого человека – на мороз!

– Мне Белоярова приказала...

– А если бы она тебе приказала шишки грызть?!

– Какие шишки? – растерялась Люся.

– Прочь с дороги!

Милованов бросился к двери, мечтая попасть обратно, в благословенное тепло холла, но охранники его не пустили.

– Ваше приглашение, – потребовали они.

– Да я только что выходил, вы что?!

– Приглашение.

– У меня пиджак внутри остался, а там – все! И приглашение ваше идиотское тоже.

– Ничего не знаем.

– Антипова! – заревел фотограф. – Сделай так, чтобы меня пустили назад!

Появилась синяя Люся в блестящем пиджачке и с пустыми руками.

– Сумочка... – растерянно сказала она. – У Аллы Антоновны осталась. А приглашение у меня вообще Свиноедов забрал.

– Наше приглашение у Свиноедова, – сообщил фотограф охранникам, но те только рассмеялись ему в лицо.

– Мало вас тут шляется, пьяных, – сказали они. – Знаем мы этот номер. Выскакивают из машин голые и делают вид, что только что вышли. А ну-ка, валите отсюда!

Простояв несколько минут в предбаннике, Милованов самую малость протрезвел и мрачно сказал:

– Думаю, нам нужно поискать еще один вход. Ничего другого не остается.

Когда Белоярова отправилась «строить» фотографа, ее недавние собеседники некоторое время молчали, приканчивая свои коктейли.

– Очаровательная женщина, – сказал наконец Евгений Иванович Зимин, глава холдинга «Витязь», куда входил и завод игристых вин, генеральный спонсор журнала «Блеск». За его плечами был жестокий тридцатилетний жизненный опыт, навсегда оставшийся на лице. Невысокий рост этот человек компенсировал взглядом свысока, а непрезентабельную фигуру – идеально подобранным костюмом.

– Да, очаровательная, – поддакнул его помощник Валерий, приземистый юноша с беспокойными руками и ускользящим взглядом. – Производит впечатление.

– А по-моему, она жесткая, как тарань, – не согласился с ними Антон Балязин, вице-президент холдинга.

Он никогда не стеснялся в выражениях. А поскольку был женат на сестре Зимина, ему обычно внимали, как оракулу. Это был длинный бесцветный человек, похожий на растение, набравшее силу под чужой кроной – чтобы ухватить немного света, ему потребовалось тянуться вверх изо всех сил.

– Простите, босс, – тихо сказал помощник, наклонившись к Зимину. – По-моему, приехала Анжелина.

Он сделал осторожное движение подбородком, показывая, куда следует смотреть. Но Зимин даже головы не повернул, а только едва заметно поморщился. Анжелина... С ней нужно что-то решать. Он сплеховал, зазевался и позволил ей царапнуть свое сердце. Хотя точно знал, чего следует от нее ждать. Молодая, хваткая, чужавшая деньги так же хорошо, как акула кровь, она определилась с целью и теперь торпедой неслась к ней – только брызги летели.

Зимин не любил откладывать выполнение уже принятых решений.

– Пойдем-ка, – сказал он своему помощнику. – Мне нужно подняться в кабинет.

В его личном сейфе лежал прощальный подарок для Анжелины. Он был куплен еще до того, как их отношения достигли своего пика.

– Э-э... – замялся Валерий и посмотрел на свои ботинки. – У меня... У меня небольшая проблема, босс. Живот... Схватило живот. Мне нужно в уборную.

– Черт с тобой, – бросил Зимин и, коротко кивнув Балязину, один направился к лестнице.

Ему и в голову не приходило, что его может подстергать опасность в лице директора по рекламе журнала «Блеск» Клары Шурьяновой. Случилось так, что Клара явилась на вечеринку вместе с Миловановым, и вдвоем они довольно быстро накачались спиртным. Когда-то у Клары были неприятности с алкоголем. С тех пор напивалась она редко, но хмелела с космической скоростью, становясь при этом не просто агрессивной, а практически неуправляемой.

Некоторое время она развлекалась тем, что подкарауливала официантов – непременно тех, у которых были заняты руки, – хватала их за «бабочки», прицепленные резинками к шее, оттягивала их и резко отпускала. Вероятно, это было больно, потому что некоторые взвизгивали, а кое-кто отпускал нецензурные замечания, от которых Клара приходила в совершеннейший восторг. Кроме того, они били бокалы – получалось шумно и весело. Потом она стала выискивать в толпе женщин в длинных платьях, каковых, к слову сказать, оказалось здесь немало, наступать им носком туфли на «хвост» и наблюдать за тем, как они дергаются. В конце концов Кларе это занятие тоже надоело, а еще захотелось в туалет, но найти его она не смогла и решила обратиться за помощью к охранникам.

Однако охранники оказались заняты. Прямо у нее перед носом к ним подскочил нервный тип в ярком пиджаке. У него был большой рот, высоко задранные брови и глумливые глаза школьника с вечным «неудом» за поведение. Тем не менее отнеслись к нему почтительно.

– Послушайте, мэ-э-э... – протянул тип, которого Клара слышала отлично, потому что стояла прямо у него за спиной. – Вы помните о нашей договоренности? Сейчас должны прийти каскадеры. Их услуги оплачены, поэтому вы им препятствовать не должны. Они будут исполнять роль массовиков-затейников.

– А мы что? – спросил один из охранников, морща лоб.

– Не забудьте, вы не должны им мешать. Еще раз о сценарии. Они устраивают драку. Образцово-показательную. Это сейчас модно, если вы не в курсе. Нужно же как-то встряхнуть народ. А то скучно.

– Чего же мы, должны стоять и смотреть? – поинтересовался другой. – Нас ведь на помощь звать будут.

– Не будут, – обнадежил тип. – Не успеют. У нас договоренность. Я подойду, скажу: «Эй, вы! А ну-ка, выметайтесь с нашего праздника!» Возьму одного хулигана за шкуру и выброшу вон. Вы можете мне дверь открыть. А остальных – раз, раз, и раскидаю в разные стороны. Я тут человек новый... Мне нужно себя как-то зарекомендовать. Никто же не будет знать, что это каскадеры. Кроме вас. Но вы молчите. Понятно?

– Понятно, – нестройно ответили ему.

Тип полез в карман, и Клара услышала характерное похрустывание новеньких денежных купюр. Как только он отошел, самый молодой охранник спросил:

– Кто это хоть такой-то?

– Новый зам самого, – ответили ему. – Олег Валентинович Пеструхин. Говорят, с большими связями мужик. И жена у него какая-то... особенная. Из верхов. Везет же некоторым.

– Везет тому, кто не сел в тюрьму, – сообщила Клара, которая до сих пор стояла поблизости и все слышала. – Где у вас тут туалет?

– Женский?

– А что, есть варианты? – удивилась та.

Именно в этот момент у нее за спиной взвизгнули, потом как будто что-то упало, и раздались отчетливые хлопки, которые не смогла перекрыть даже буйная музыка.

– Вот они, – врасляжку сказал один охранник своим напарникам и мотнул головой. – Каскадеры!

– Отлично начали, – похвалил второй. – Дерутся как взаправду. Даже не поверишь, что все подстроено.

Клара величественно обернулась и увидела драку. Драка была красивая, сочная. Дрались трое. Один из дерущихся был без пиджака, второй с галстуком, перевернутым на спину, третий с расквашенным носом. Разумеется, сражались никакие не каскадеры, а пьяные гости, которые обсуждали какой-то важный политический вопрос и не достигли консенсуса.

Клара поискала глазами Пеструхина, который должен был всех раскидать, и увидела, что тот с грозным лицом уже выдвигается на нужную позицию. Еще секунда, и новоявленный герой протянул руку, чтобы схватить первого «каскадера» за шиворот. Он даже успел сказать:

– Эй, вы...

Однако его реплика так и осталась незаконченной, потому что в следующую секунду он уже летел вверх тормашками. Пролетев половину зала, новый заместитель скользнул по полу, словно приземлившийся бумажный самолетик, врезался головой в колонну и затих, дрыгнув ногой.

– Супер, – прокомментировал его полет один из охранников. – Мне нравится. Ты платишь за драку, а потом тебя же и бьют.

Клара Шурьянова тоже пришла к выводу, что это страшно несправедливо. И решила подхватить, так сказать, брошенное знамя. Стараясь держаться прямо, она подошла к дерущимся на опасно близкое расстояние и, широко махнув рукой, крикнула:

– Эй, вы! А ну-ка, выметайтесь с нашего праздника!

Мужики на секунду перестали мутузить друг друга и мельком посмотрели на нее. Решили, вероятно, что она не заслуживает внимания, и продолжили свое занятие, самозабвенно выбрасывая кулаки и крикая. Клару это ужасно рассердило. Если ты выросла среди драчливых братьев, то у тебя на вооружении есть только один способ заставить уважать себя. Клара немедленно им воспользовалась.

– Открывай! – приказала она главному охраннику, подтаскивая к двери первого дебошира, которого она коварно дернула за галстук, повалила на пол и стукнула лбом о мраморную плитку. Теперь она держала его одной рукой за шиворот, другой – за ремень штанов. Лицо ее покраснело от натуги, и под платьем прорисовались рельефные мускулы.

Тот послушно открыл дверь, и Клара выбросила свою жертву в предбанник. Двое оставшихся продолжали бороться. Откуда им было знать, что она отлично боксирует и знает несколько приемов, позволяющих вывести мужчину из строя в считанные секунды?

– Я сказала! – снова крикнула Клара, возвращаясь. – Убирайтесь с нашего праздника! – Подумала и добавила: – Эй, вы!

После этих слов она очень быстро разметала «каскадеров» и тоже выбросила их из холла. Зрелище вышло безумно впечатляющим. Публика бурно аплодировала. Клара отряхнула руки и махнула еще один коктейль с водкой, ловко схватив его с подноса проносившего мимо официанта. Потом подошла к поверженному Пеструхину, которого все обходили стороной, присела на корточки и похлопала его по щекам. Он неохотно ожил и посмотрел на нее глазами разбуженного младенца – ясными и счастливыми.

– Вставайте, граф, – сказала Клара. – Рассвет уже полощется.

– Кто полощется? – не понял Пеструхин, садясь и прислоняясь к колонне спиной. – А вы кто?

– Я ваша добрая фея. Поднимайтесь с пола, там сквозняки. А то отморозите себе что-нибудь, что еще может кого-то порадовать.

– У меня ничего такого нет, – слабым голосом ответил Пеструхин, становясь на четвереньки, а потом поднимаясь в полный рост.

– Ну да? – не поверила Клара. – Первый раз встречаю эдакого скромника.

– Мне бы... На диване полежать.

– Где же я вам диван возьму? – удивилась она и обескураженно огляделась по сторонам. – Здесь даже стульев раз-два – и обчелся. И все они заняты какими-то гнусными типами.

– Наверху, – сообразил Пеструхин. – На втором этаже. Отведите меня туда.

Клара молча обняла его за талию, дав почувствовать, какие у нее сильные руки, и потащила к лестнице. «Пациент» всю дорогу молчал, пытаясь привести в порядок мысли. Он, безусловно, здесь работает. Он помнит, что наверху есть множество уютных кабинетов и какой-то из них принадлежит ему. Но какой? И как его, собственно, зовут?

Пеструхину было странно, что он не помнит своего имени. Однако признаваться в том, что допился до беспамятства, было стыдно. Удар в живот был столь стремителен, что выпал из его сознания, и потому он его в расчет не принимал. «Каскадеры» тоже вылетели у него из головы, оттого-то бедолага все списывал на «Кровавую Мэри», перемешанную с вермутом.

Клара честно дотащила пострадавшего до второго этажа. По дороге она насвистывала бодрый мотив и делала шумные выдохи.

– Ну вас к черту, – наконец сказала она, свалив его на первый же диван, встреченный ею в коридоре второго этажа. – Дальше сами решайте, что делать.

Коридор был длинный, хорошо освещенный, с реалистичными пейзажами и натюрмортами на стенах – вазы, розы, стога, деревья, яблоки и дохлые утки. Еще здесь стояли банкетки, фикусы в горшках и этажерки с журналами. Пеструхин со стоном припал к подголовнику, радуясь тому, что его разгоряченная щека касается холодной кожаной обивки.

– Хочу в свой кабинет, – плачущим тоном пробормотал он и протянул ключ на кольцо, к которому не было приделано никакой опознавательной бирки.

– Где он? Где кабинет? – спрашивала Клара, тормоша Пеструхина изо всех сил. Тот попискивал и отбивался.

Тогда Клара попробовала воткнуть ключ в замок ближайшей к ней двери. Ничего не вышло – замок чудесным образом перемещался, оказываясь все время в разных местах. Когда Клара наклонялась, она видела два одинаковых отверстия – слева и справа. Тогда она прицелилась и воткнула ключ ровно между ними. Ключ не подошел. Она переместилась к следующему кабинету, затем к следующему. Таким манером она ушла довольно далеко от своего подопечного, и вдруг за одной из дверей услышала горький женский плач.

Клара считала себя сильной. Если кто-то обижал женщин, она приходила в совершеннейшее неистовство, зная, что не каждая способна защищаться. Однако будучи пьяной, она была готова постоять не только за себя, но и за других.

Находилась она, разумеется, перед кабинетом Зимина, который как раз сделал Анжелине прощальный подарок и жестоко рвал с ней отношения. Однако Анжелину отношения

устраивали, и она пыталась сохранить статус-кво. Сначала она язвила и насканивала, потом начала рыдать. Зимину это надоело, и, чтобы прекратить концерт, он высказался очень-очень резко. Знай Евгений Иванович, КТО его подслушивает, возможно, он и воздержался бы от обидных слов. Но он не знал и говорил то, что считал нужным.

Когда промокшая от злых слез Анжелика, прихватив подарок, выбежала в коридор, она даже внимания не обратила на высокую рассерженную даму, болтавшуюся поблизости. Просто оттолкнула ее плечом, вихрем пронеслась к лестнице и исчезла навсегда. Клара же налегла на дверь всем своим весом, и когда Зимин через некоторое время тоже захотел выйти, она его не выпустила. Услышав, что с той стороны громко дышат, он сердито крикнул:

– А ну! Кто там такой сильный и смелый? Отойдите немедленно. Я хочу выйти!

– Фиг тебе, – немедленно ответила Клара. – Ишь, какой! Думаешь, ты будешь бабе всякие гадости говорить, и тебе все с рук сойдет? Негодяй! Посиди там, подумай о своем поведении.

Зимина уже много лет никто не называл негодяем. По крайней мере, в глаза. Он раздраженно хмыкнул и схватился за мобильный телефон. Его шофер Андрюша сидел внизу, в серьезном черном автомобиле. Когда случались неприятности, Андрюша выполнял функции телохранителя, для этого у него были все необходимые данные.

– Андрюша, – сказал Зимин, как только его соединили. В его голосе ясно читалось удивление и раздражение. – Меня тут взяли в заложники...

Договорить он не успел. Клара Шурьянова ворвалась в кабинет и выбила у него из рук телефон одним мощным ударом. Потом подобрала телефон с пола и со злорадным выражением лица отключила.

К несчастью для всех, Андрюша в этот момент взошел на крыльцо офиса – выкурить свою вонючую сигаретку. В машине он себе такого не позволял, чтобы не пропитать неподобающим запахом эксклюзивные сиденья цвета слоновой кости. Компанию ему составил один из охранников, карауливших вход, и двое вертлявых журналистов, вечно рыщущих в поисках сплетен по тусовкам и вечеринкам.

– Алло, босс! – кричал Андрюша, выронив сигаретку изо рта на запорошенное снегом крыльцо. – Что значит – взяли в заложники?!

Тусклые глаза журналистов загорелись голодным огнем. Свежая гадость – что может быть прекраснее? Поэтому когда взъерошенный Андрюша бросился за помощью, они сели ему на хвост.

Тем временем задубевший Милованов пытался согреть остекленевшую Люсю Антипову, колотя ее ладонью по спине. У них не было пальто, не было пригласительных, не было денег на такси. Мозги у обоих тоже заиндевели и отказывались соображать. Один раз, взявшись за руки, они обежали здание по периметру, черный ход не нашли, зато увидели открытую форточку, но – на втором этаже. Они остановились прямо под ней и задрали головы.

Наверх было страшно смотреть. Взгляду открывалась сумасшедшая высота, перед лицом которой легкие надувались, как паруса, а утренние грандиозные планы выглядели копеечными. Плоская луна катилась краем неба, оставляя за собой дорожку золотой пыли. Космос разинул черный рот, выплюнув на ладонь круглые камушки звезд.

Люся была так очарована открывшейся картиной, на которую обычный человек и не обращает внимания, что даже перестала дрожать. Милованову пришлось тащить ее обратно на буксире.

Теперь парочка стояла в предбаннике и строила планы относительно того, как можно добраться до этой форточки и при этом остаться в живых.

Удивительно, но их разговор страшно заинтересовал двух мужчин, которые тоже во что бы то ни стало хотели попасть на праздник, но их не пускали, потому что какой-то Пеструхин не отвечал на звонки.

– Да его вообще тут нет, вашего Пеструхина! – заявила Люся. – Я для него календарь в пакете носила-носила, а он так и не появился.

– Нам все равно надо аванс отработать, – сказали те. – Покажите нам открытую форточку, и мы все устроим. К слову сказать, мы профессиональные каскадеры.

– Сильные? – спросил Милованов.

– В каком смысле?

– В прямом. Нас внутрь сможете затянуть? В конце концов, выбор у нас с Антиповой невелик – или окостенеть, или разбиться на мелкие кусочки.

...Пока Клара Шурьянова воевала с Зиминим, оставленный без присмотра Пеструхин неожиданно почувствовал неодолимую жажду. Он встал с дивана, подергал ближайшую дверь и, не добившись результата, постанывая, пустился в обратный путь – по лестнице вниз, в гущу праздника. Шагнув с последней ступеньки, он налетел на незнакомых женщин, одной из них отдал ногу и начал униженно извиняться.

– Господи, вы кто? – смеясь, спросила та.

Пеструхин задумался. Действительно, кто он? Тут ему в голову пришла мысль о визитных карточках. Он полез во внутренний карман пиджака и – о, счастье! – действительно нашел там пачку визиток. Он и не подумал, что это не его личные визитки, а те, которые он получил от разных людей в момент знакомства. Взял верхнюю, заглянул в нее, отдал ее женщине и представился:

– Иван Петрович Огузкин, маркетолог. Прошу любить и жаловать.

Несмотря на пришибленный вид, маркетолог дамам понравился, и они еще долго шушукались, прикидывая, стоит ли приглашать его танцевать, когда заиграет подходящая музыка.

Пеструхин между тем отправился дальше, и поскольку путь его пролегал по залу, полному народа, он то и дело попадал в мелкие неприятные истории, которые пытался замять с помощью обаятельных улыбок. При этом он направо и налево раздавал визитные карточки – не без внутренней дрожи. Потому что каждый раз оказывалось, что зовут его как-то по-другому, а правда это или нет, он не помнил. Пожилой паре он представился инженером Мухиным, компании молодых людей – бухгалтером Десяткиным, а одной роскошной женщине с длинной челкой – финансовым директором Карапетяном.

Когда телефон Зимина отключился, его шофер Андрюша немедленно поднял на ноги всех своих. «Свои» быстро выяснили, что перед тем, как исчезнуть, босс был замечен в компании его собственного помощника Валерия и вице-президента Антона Балязина. После того как Зимин исчез, Валерия тоже больше никто не видел. Войти и выйти из здания, минуя охрану, можно было только через черный ход, хотя найти его не так-то просто. За главным же входом следили бдительные охранники. Представители службы безопасности холдинга принялись искать Балязина, чтобы с пристрастием допросить.

Впрочем, даже под страхом смертной казни Балязин сейчас вряд ли мог сказать что-нибудь путное. Дело в том, что добрые друзья из рекламного отдела напоили главного аналитика отваром сушеных мухоморов и пообещали, что скоро ему станет хорошо и он увидит такие яркие картины, которые останутся в его памяти на всю жизнь. Через пять минут после этого праздничного обещания Балязин бросился в туалет, где его вывернуло наизнанку. Некоторое время он приводил в порядок свое отражение в зеркале, потом нетвердой походкой возвратился в зал. Однако мухоморы оказались коварными и успели отравить кровь

вице-президента. Ему стали чудиться всякие странные вещи, которых в реальной жизни, как он полагал, быть не могло.

Сначала он увидел драку. Какая-то женщина с короткими криками, какие обычно издают лесорубы, вонзая топоры в стволы кедров, валит мужиков, раскидывая их в разные стороны, а потом по одному выбрасывает в предбанник. Балязин помотал головой, чтобы развеять наваждение, и отправился к столу выпить воды. После этого ему захотелось открыть какое-нибудь окно и глотнуть свежего воздуха. Окон в холле не было. Тогда он прошел по коридору первого этажа, забрел в какое-то служебное помещение, долго дергал раму и, наконец, по пояс вывалился на улицу, в безлюдный заснеженный двор, освещенный одиноким фонарем, который неприветливо таращился на него. Балязин сделал глубокий вдох и поежился. Снаружи было страшно и как-то неуютно. Сверху на него взирала жуткая лысая луна. Чтобы получше рассмотреть ее, Балязин задрал голову... И сразу увидел ноги. Это были женские ноги, они висели у него над головой совершенно неподвижно – в чулках, туфлях, все как полагается. Ухмыльнувшись, он протянул руку и пощекотал правую щиколотку. Ноги немедленно подобрались, потом разогнулись, взвизгнули и... ударили Балязина по голове. Ойкнув, он завалился назад, хлопнулся на пол и некоторое время сердито потирал макушку, удивляясь, отчего это его галлюцинации такие агрессивные. Потом поднялся и попятился от окна. Ему показалось, что кто-то там, за окном, прошипел: «Тащите, тащите, гады! Да смотрите, не уроните ее!» Он вышел в коридор и побрел обратно, чтобы присоединиться к ликующей толпе гостей.

По дороге ему встретился новый заместитель главного, Олег Валентинович Пеструхин. Он посмотрел на Балязина ясным взглядом, протянул руку и сказал:

- Добрый вечер. Разрешите представиться – Балязин, вице-президент холдинга.
- Помилуйте, – опешил тот, ощутив слабость в коленках. – Вице-президент – это я.
- Не может быть, – засмеялся Пеструхин. – У вас, верно, галлюцинации.

Он подал ошавевшему вице-президенту его собственную визитную карточку и, похлопав по плечу, отправился дальше. «Какие странные видения, – подумал Балязин. – И нет в них ничего особо прекрасного. Убью этих гадов-рекламщиков». На всякий случай он подошел к пожилой паре, с которой самозванец общался до него, и поинтересовался, с кем они имели честь разговаривать.

– Это инженер Мухин, – ответили ему. – Очень приятный человек, он рассказал нам бородатый анекдот, но в такой исключительной интерпретации!

«Господи, кто такой Мухин? – с ужасом думал бедняга, ощупывая голову, украшенную шишкой. – Почему, когда подходит один человек, мне кажется, что это кто-то совершенно другой?! Невероятно». Повинуясь порыву, он позвонил «ноль три», продиктовал адрес и сообщил, имея в виду себя, что на вечеринке одному человеку стало очень плохо. У него сильная тошнота и видения. Позвонил – и тут же забыл об этом.

Как ребенок, который расчесывает до крови болезненный прыщик, Балязин продолжал следовать за своим кошмаром, и чем дальше, тем сильнее холодело его сердце. «Я отравился навсегда, – думал он. – Это не галлюцинации, это белая горячка».

Пеструхин между тем находился примерно в том же состоянии. В ужасе от того, что не помнит своего имени, адреса и всего остального, что так важно для всякого человека в здравом уме, он присел за маленький столик, на который официанты складывали чистые тарелки и ножи, и замер, истово копаясь в черных глубинах памяти.

Вице-президент последовал за ним, подтащил поближе колченогий стул и уселся напротив. Пеструхин поглядел на него умильными глазами, достал из кармана визитку, бросил на нее короткий взгляд, затем протянул через стол руку и сказал:

- Разрешите представиться. Марина Николаевна Лихачева, начальник отдела сбыта.

– Очень приятно, Марина Николаевна, – ответил Балязин, замирая от ужаса. – Как ваши дела?

– Прекрасно, прекрасно. Я тут, видите ли, отдыхаю в уголке.

Официант, притащивший очередную стопку чистых тарелок, поставил ее на стол и, закатив глаза, шепнул своему напарнику:

– Эти корпоративные вечеринки – просто жуть малиновая. Напьются, накурятся всякой дрянью, надышатся, нажуются... Я бы на месте нашего шеф-повара не особенно парился. Помоему, они все равно не понимают, что едят.

Алла Белоярова некоторое время стояла на одном месте, держа в руках пакет с календарем и сумочку Люси Антиповой. Ни секретарши, ни Милованова на горизонте не наблюдалось. Тогда она направилась к Яковкину, который весь вечер попадался ей на глаза с одной и той же женщиной – женой директора завода игристых вин, крупной шатенкой с красивыми формами и затуманенными глазами. Шатенка носила звучное имя Бэлл и вполне приятную фамилию Куприянова. Было ясно, что она любит свое тело, любит всех, кто обращает на нее внимание, любит своего мужа, который держится на расстоянии и присматривает за ней издали. Время от времени супруги обменивались понимающими взглядами. Это не мешало Яковкину вертеться поблизости и обхаживать Бэллу.

– Послушай, Ярослав, – обратилась Белоярова к своему ответственному секретарю, оттаскивая его в сторону. – Тут у меня сумочка Антиповой. Ты за ней последи, пока сама Антипова не вернется.

– Алл, но я не могу, – ответил тот, пританцовывая на месте. – Мне нужно будет ненадолго отлучиться.

– Ты уже отлучался, – зло заметила та. – Полагаю, не один. Смотри, чтобы тебе не надрали задницу.

По губам Яковкина скользнула сальная улыбка:

– Не беспокойся.

Белоярова не любила, когда что-нибудь складывалось не так, как она задумала. Сумочка Антиповой по-прежнему ей мешала. Поэтому вместо того, чтобы отойти, она раздраженно спросила:

– Ну, хоть кто-нибудь из наших поблизости есть? Клебовников или Полусветов, на худой конец?

– Клебовникова я недавно видел возле стола с закусками. Он показался мне подозрительно мрачным. А Полусветов скорее всего уже слинял. Наверное, подцепил какую-нибудь дурочку и теперь рассказывает ей «подлинные» истории из жизни Версаче.

– Мне кажется, я где-то видела эту женщину, – неожиданно перебила его Белоярова, указав глазами на Бэллу. – Никак не вспомню...

– Вполне возможно, вполне, – пробормотал Яковкин. – Она ведь жена Куприянова. Светская, так сказать, львица. – Он усмехнулся. – Где угодно ты могла ее встретить. Скорее всего на какой-нибудь тусовке.

Алла неохотно согласилась и машинально потрогала свою сумочку. Клебовников, который следил за ней из-за колонны, сразу понял, что она на ощупь проверяет, на месте ли пистолет. Вероятно, оружие придало ей уверенности, потому что она снова приосанилась и вздернула подбородок. Нашла кого-то глазами в толпе, явно оживилась и двинулась вперед. Из-за грохотающей музыки, которая уже давно растрясла все его внутренности, Клебовников практически оглох и мог полагаться только на зрение.

Между тем Белоярова увидела того, кого, собственно, искала с самого начала, – Пеструхина. На ходу она достала из пакета календарь и с хищной улыбкой подошла к своей жертве.

– О! Кого я вижу! – воскликнула она громко, с показной радостью. – Олег Валентинович!

– Разве? – удивленно спросил тот. – Я – Олег Валентинович? Это вряд ли. Впрочем, могу и ошибаться.

Белоярова некоторое время переваривала его слова, потом хихикнула и сказала:

– Олег Валентинович, разрешите вручить вам маленький презент от редакции нашего журнала...

– Спасибо, – сказал Пеструхин замороженным голосом. Взял календарь, прижал его к груди двумя руками и заплакал.

– Что с вами? – всполошилась Белоярова.

– Ы-ы-ы! – заскулил Пеструхин, садясь на пол, запрокидывая лицо к потолку и вцепившись руками в прическу. – Я ничего не помню-ю-ю!

– Конечно, его же сильно ударили! – подсказала какая-то дама в красном плюшевом платье. – У него шок! Он летел через весь зал, ударился головой о колонну... Какие-то бандиты на него напали, это все видели!

Ее слова шрапнелью разлетелись по залу, перемешавшись с беспорядочными выкриками шофера Андрюши, носившегося колбасой в поисках кого-нибудь, кто видел его шефа. Получилась страшная мешанина, из которой невозможно было составить правильного впечатления о происходящем. «Шок, взят в заложники, драка, ударился головой, какая-то женщина раскидала бандитов» и так далее и тому подобное.

Когда появились санитары с носилками и хмурый врач с чемоданчиком, людское море расступилось, освобождая путь к сидевшему на полу и подвывавшему Пеструхину. Его погрузили на носилки, накрыли одеялом, надели ему на нос кислородную маску и унесли, прихватив с собой в качестве «родственника» попавшегося под руку главного аналитика Балязина.

Вздохнув, Клебовников вернулся к столу с закусками, наложил на большую тарелку всего понемногу и отправился к лестнице, ведущей на второй этаж. Легко взбежал по ступенькам и через минуту уже открывал дверь кабинета, окна которого выходили во двор. За окнами было темно, и он включил настольную лампу на чужом письменном столе. Брюнетка, которая притащила его сюда, сопела на диване, трогательно подогнув колени. У нее были красивые ноги, и Клебовников некоторое время с удовольствием ими любовался.

Потом взгляд его упал на принесенные закуски. Он вяло пожевал, поковырявшись в тарелке, с недовольной миной достал из кармана сигарету и засунул в рот. Порылся в кармане пиджака и извлек из него зеленую зажигалку. И в этот момент услышал сначала шуршание снаружи, за окном, а потом натужные стоны. Резко обернулся и увидел, что на узкой терраске, опоясывавшей здание, стоит незнакомец в спортивной куртке. Поскольку лампа светила тускло, незнакомца было отлично видно. Он оказался невысок и хорошо сложен и при этом подавал Клебовникову какие-то отчаянные знаки.

Не успел тот и глазом моргнуть, как откуда-то снизу, словно кузнечик, выпрыгнул еще один тип, удивительно похожий на первого, а вслед за ним медленно, подтягиваясь на руках, словно красная гусеница, выполз... Милованов. Он был в одной рубашке, и его рыжая борода от холода покрылась белым инеем, сделавшись похожей на пучок проводов, вырванных из какого-нибудь агрегата. Незнакомцы тем временем перегнулись через низкие перила и через минуту выудили из темноты не кого-нибудь, а Люсю Антипову. У нее было стеклянное от мороза лицо и два прозрачных шарика вместо глаз.

Клебовников сначала развел руками, показывая, что поражен, потом щелкнул зажигалкой, закурил и глубоко затянулся. Только после этого он подошел к двери на лоджию и повернул ручку. Милованов немедленно налег на дверь и ввалился внутрь, принеся с собой

морозный дух, круто замешенный на запахе алкоголя. За ним в кабинет просочились все остальные.

– Вы что, занимаетесь промышленным альпинизмом? – с недоверием спросил Клебовников, бросив быстрый взгляд на брюнетку, спавшую на диване. Та почмокала губами, но глаз не открыла. И все-таки из-за нее он говорил приглушенным голосом. – Люся, бог мой, только посмотрите на себя!

Клебовников сделал еще одну нервную затяжку, после чего быстро раздавил сигарету в пепельнице, которая плавала в сверкающей полировке стола.

– Мы, Николай Борисович, в катастрофу попали, – сообщила Люся пластилиновыми губами. – Вышли на улицу, а обратно нас не пустили, потому что у нас приглашения с собой не было.

– А позвонить по мобильному телефону?!

– Он в сумочке остался, а сумочка – у Аллы Антоновны.

– А где твой телефон? – напустился Клебовников на Милованова. Схватил Люсю за руки и начал растирать их с такой скоростью, как будто собирался с их помощью добыть огонь. – Где ваши, блин, телефоны? – повернулся он к незнакомцам. – Вы что все, из дремучего леса?

– Наши при нас, – ответили те покорно. – Но на звонки никто не отвечал.

– Ты что, идиот? – снова повернулся Клебовников к фотографу, бросив Люсю, которая принялась громко стучать зубами. – Не мог позвонить по их мобильнику? Люся, ну а вы-то?!

Та беспомощно посмотрела на Милованова. Он громко икнул от холода. Его рубашка стояла колом и в некоторых местах примерзла к телу. Галстук выглядел так, словно его извляли из камня.

– Мы увидели открытую форточку, – пробормотала она наконец. – Вон там, в соседнем кабинете. И целиком на ней сосредоточились. Мы просто не подумали о таком простом выходе из положения...

Тут она наконец заметила на диване спящую брюнетку – ту самую, которая заигрывала с Клебовниковым еще в гардеробе, и из бело-голубой мгновенно сделалась ярко-розовой. По Люсиным меркам, застать мужчину и женщину в столь интимной обстановке было... чертовски неприлично.

– Вот гадство! – неожиданно воскликнул Клебовников и яростно почесал мочку уха. – Неужели в салате были кальмары?! У меня аллергия на морепродукты!

Он расширил глаза, и тут наконец Люся заметила, что мочки ушей у него бордового цвета. Практически на глазах два таких же пятна выступили у Клебовникова на лбу и на правой щеке.

– Зараза! – еще раз выругался он. – Как я мог так лажануться? Не умнее вас, честное слово. До сих пор не могу поверить, что вы вчетвером лезли на второй этаж в призрачной надежде протиснуться в какую-то там форточку! – выговаривал он, наблюдая за тем, как Милованов с Люсей колотят друг друга по плечам и по спине. Они вообще вели себя как два боевых товарища, переживших шквальный огонь врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.